

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

Вручение Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского за 2020 год состоится весной 2021-го. В этом нет ничего удивительного: это был самый необычный год не только в истории Премии, но и в нашей с вами истории. Но все мы, и Премия Пирятинского в том числе, выстояли! Сердечно вас с этим поздравляем и предлагаем вашему вниманию тексты, выдвинутые на соискание Премии в номинации «Русская словесность».

На фото (слева направо): в первом ряду сидят – Варвара Кузнецова, Екатерина Бушуева, Яна Будилович, Таисия Размахнина; во втором ряду – Екатерина Васильева, Елена Богачева, Дарья Литюк, Алёна Салтыкова, Маргарита Мухина, Кристина Фадекова, Александра Купецкая, Варвара Яновская, Варвара Сапунова; в третьем ряду – Варвара Затонская, Валентин Звонников, Дмитрий Трубчик, Давид Арустамьян, Сергей Ахапкин, Григорий Кузьмичев

Юрий Брониславович Пирятинский

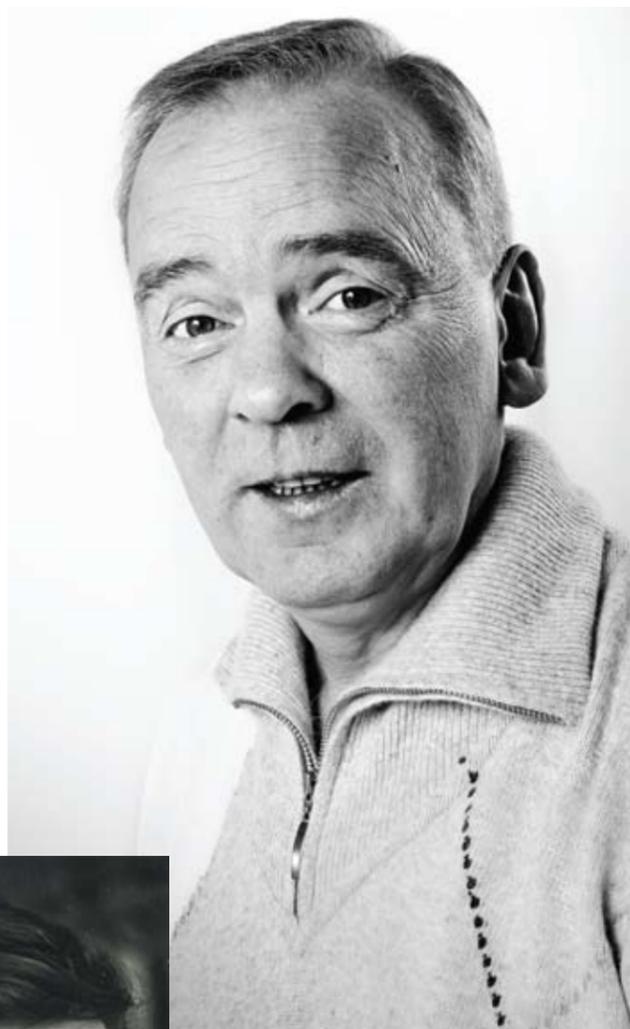
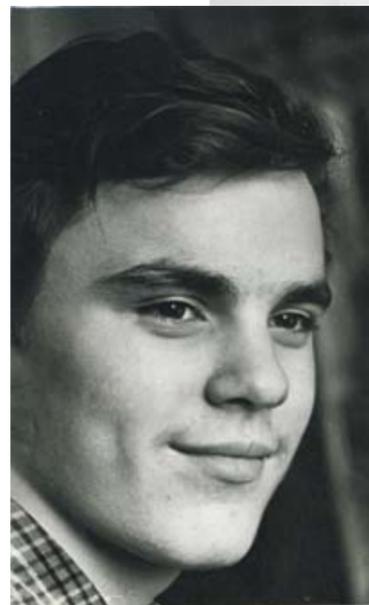
Эта Премия создана в память о нашем друге – учителе, который проработал в красном здании на 2-й Пугачевской всю свою жизнь

Он родился 22 ноября 1955 года в родильном доме имени Грауэрмана на Арбате. Там же, в самом центре Москвы, прошло его озорное детство. В 1973 году Пирятинский окончил среднюю школу № 446, что находилась за бывшим Дворцом культуры МЭЛЗ на площади Журавлева, в 1977-м – филологический факультет Московского областного пединститута имени Н.К. Крупской. Тогда он уже переехал на Большую Черкизовскую – в дом напротив стадиона «Локомотив».

Впервые порог нашего красного здания 21-летний выпускник педвуза Пирятинский переступил 15 августа 1977 года. Последний раз он ушел из него спустя 35 лет, в июне 2012-го...

Впрочем, летом 1978-го тогда еще Юра, который только-только привыкал к «Юрию Брониславовичу», на полтора года вынужден был прервать столь ярко начавшийся процесс школьного служения, чтобы послужить в рядах Советской армии. Благодаря армии Пирятинский впервые оказался за границей: после учебки, которая была под Иркутском, он попал в Монголию. А сразу после армии, в ноябре 1979-го, Юрий Брониславович вернулся в школу на 2-й Пугачевской, чтобы проработать в ней всю оставшуюся жизнь. Ему чуть было не сделали карьеру: в 1986 году Пирятинского наградили орденом Трудовой Славы 3-й степени и даже приняли в партию. Но он не стремился к карьерному росту.

Менялась страна. Менялись дети, которых он учил. Менялись названия его должностей: учитель русского языка и литературы, классный руководитель, организатор внешкольной и внеклассной воспитательной работы, завуч, ночной сторож (и все это без отрыва от основной – учительской – деятельности), куратор, педагог дополнительного образования, снова учитель русского языка. Менялись названия учебного заведения, в котором он служил: средняя школа № 388, школа-гимназия № 388, МГПГ, МГПГ-Л, просто гимназия № 1505, потом – ГОУ, ГБОУ гимназия № 1505 (до переименования гимназии обратно в школу он не дожил). Менялся и он – от строгого мальчишки-учителя (в 20 с небольшим, конечно, мальчишка!) до всеми уважаемого мэтра, и к чести своей, и к своей беде сумевшего сохранить все свойственные разудалому мальчишеству черты...

Его не стало почти девять лет назад – морозным утром 25 декабря 2012 года. На прощание с ним собралась вся школа...

«Учитель, у которого не было другой жизни, кроме жизни школы и его учеников-воспитанников. Один из лучших за все время существования школы воспитателей и предметников одновременно. Педагог, который считал свой предмет – русский язык – великим средством воспитания. Педагог, который был классным руководителем самых тяжелых классов, причем требовал такие классы себе сам. Учитель, который чудесным

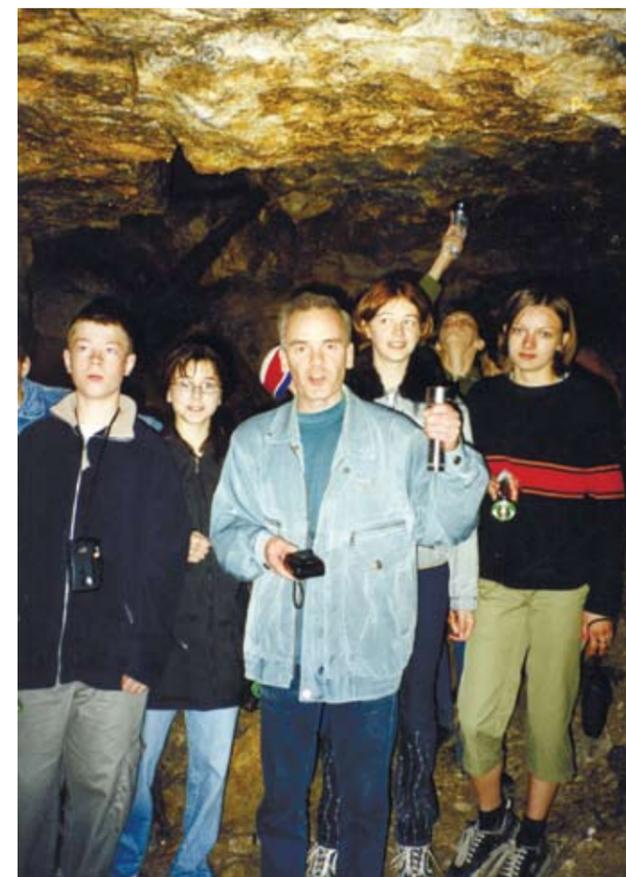
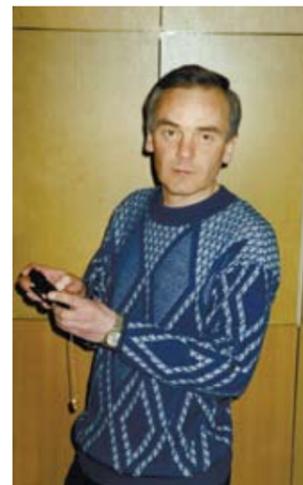
образом мог изменять в лучшую сторону внутренний мир ребенка, даже самого трудного. Автор "педагогика Пирятинского", которую трудно описать словами, но которая известна всем, кто у него учился и кто рядом с ним работал. Человек железных принципов, с юности и до самой смерти. И конечно, никогда и ничего – для себя, все – для своих учеников и товарищей. Такой вот наш Януш Корчак».

Так написал о Юрии Брониславовиче Пирятинском один из отцов-основателей гимназии № 1505 и один из учредителей нашей Премии – Михаил Владимирович Левит.

Действительно, Юрий Брониславович прожил необычную по нынешним временам жизнь. Хотя бы потому, что смыслом всей этой жизни была не семья, не работа и уж тем более не заработок, а служение тому делу, к которому он был призван судьбой, тем людям, которые его окружали на всем протяжении его несправедливо короткой, но такой – на зависть многим – удивительно честно прожитой жизни.

Пирятинского очень многие любили и теперь уже точно не разлюбят никогда. Но были и те, кто считал его слишком громким, слишком острым и слишком авторитарным. Не всем нравились его шутки и манера поведения. Что ж, Пирятинский – Пиря, как часто звали его за глаза, – никогда не стремился всем нравиться. Он был самим собой и именно поэтому оставил по себе равнодушную память...

Юрий Брониславович был человеком широкой души, центром огромного коллектива – учительского и ученического, человеком с потрясающим чувством юмора, с удивительным чувством собственного достоинства. У каждого в памяти остались его подлинно крылатые фразы, его обаятельная улыбка, его стальной баритон, его смех до слез, его милые, удивительно смешные розыгрыши. Он умел дружить, он умел учить, он умел понимать...

Создавая эту Премию, мы хотели, чтобы память о Юрии Брониславовиче Пирятинском была живой и созидающей. Чтобы ценности добра, порядочности, равнодушия, веры в человека, творчества, служению которым он посвятил свою жизнь, оставались с нами и дальше.

Мы очень надеемся, что это у всех нас получается...

Как всегда, наш альманах состоит из нескольких частей. Главная из них – **тексты, номинированные на Премию**. Однако в этом выпуске вы найдете также **тексты, выдвинутые на конкурс творческих работ учащихся 7–8-х классов**, который мы назвали «**Я/Мы в год пандемии**». Он проходил под эгидой Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского и был посвящен событиям, которые разворачивались на наших глазах. Далее следуют «**Пирятинские лекции**» **лауреатов 2019 года** – это слова, которые они хотели бы адресовать «городу и миру», а также родной школе и всем ее обитателям. Завершает альманах традиционная рубрика «**Вспомниая Пирятинского**», где ученики и друзья Юрия Брониславовича рассказывают о человеке, в память о котором и создана эта Премия. В этом выпуске вы найдете тексты Леонида Анатольевича Наумова и Валентина Жмуркина (выпуск 1992 года). Ну и в самом конце – **наши благодарности** тем, без чьей помощи мы бы не справились – нашим друзьям и коллегам, поддерживающим Премию всеми доступными им средствами.

Желаем вам удачи и интересного чтения!

Учредители Премии

О премии

По формуле 15 + 05

Обычно, по заведенной традиции, награждение лауреатов Общественной премии проходит в два этапа: в начале октября, в День учителя, школа узнает имя лауреата в номинации «Русская словесность», а в конце ноября (увы, день рождения Юрия Брониславовича Пирятинского, 22 ноября, часто приходится на каникулы) – лауреата в номинации «Человеческое измерение». С Премией за 2020 год все немного не так. Но переносы дат вручения не меняют главного: мы по-прежнему выбираем достойных. Нас часто спрашивают, как происходит этот выбор?

Кто выбирает лауреатов?

Некоторое время назад мы немного скорректировали первоначальный регламент обсуждения кандидатур, выдвинутых в номинации «Человеческое измерение». И с тех пор в выборе лауреата в этой номинации участвуют не только учредители Премии – 15 учеников, коллег

и просто друзей Юрия Брониславовича Пирятинского, но и учителя. Голосование проводится по формуле 15 + 05: 15 учредителей и 5 педагогов, работающих в старших классах (их по нашей просьбе ежегодно делегирует в состав нашего «жюри» директор школы), принимают окончательное решение по поводу выбора лауреата.

Такой расширенный формат показался нам вполне уместным и при этом весьма демократичным, и два года назад мы решили применить формулу 15 + 05 и в голосовании в номинации «Русская словесность». Теперь, помимо 15 учредителей, за тексты, выдвинутые в этой номинации, голосуют 5 лауреатов Премии минувших лет. Нам кажется, что это нововведение позволит при голосовании учитывать и мнение вчерашних гимназистов, когда-то ставших лауреатами Пирятинской премии (причем в обеих номинациях), разделяющих вместе с нами ценности и принципы этой высшей школьной награды. А значит, наш выбор будет еще более взвешенным.

Скажем честно: с каждым годом нам, учредителям Премии, все труднее выбирать из представленных произведений и из номинированных ребят. Вот уже который год сразу несколько достойных работ претендуют на то, чтобы быть отмеченными. И до последнего момента непонятно, чей текст наберет больше голосов. Кроме того, на соискание Премии все чаще выдвигают тексты, созданные в разных жанрах: это и стихи, это и проза, бывают даже пьесы и литературоведческие эссе. Так что нам приходится нелегко. Но мы рады этому. Потому что нам есть из чего и из кого выбрать.

Как «измерить человека»?

Каждый раз перед награждением лауреатов учредители публикуют тексты, выдвинутые на Премию в номинации «Русская словесность», но не объявляют имена тех, кто выдвинут на соискание Премии в номинации «Человеческое измерение». Нас часто спрашивают – почему?

Обсуждая кандидатов в номинации «Человеческое измерение», мы каждый раз убеждаемся

ДИНАМИКА ВЫДВИЖЕНИЯ НА ПРЕМИЮ ПО ГОДАМ (чел.)

Премия	«Русская словесность»	«Человеческое измерение»
I (май 2014)	8	1
II (октябрь 2014)	7	2
III (2015)	11	3
IV (2016)	9	3
V (2017)	14	5
VI (2018)	18	9
VII (2019)	16	5
VIII (2020)	15	3
Итого по номинациям	98	31
Всего гимназистов	129	

в том, что у нас в школе учится очень много замечательных людей. Но поскольку по Уставу Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского в каждой номинации мы можем избрать только одного лауреата, обнаружение имен тех, чьи кандидатуры не набрали нужного числа голосов, мы считаем просто неэтичным. Поэтому мы договорились, что в номинации «Человеческое измерение» называем лишь имя выбранного нами лауреата. При этом проигравших здесь нет и быть не может: раз школа выдвинула этих ребят, значит, это достойные люди. Именно поэтому с этой номинацией у нас, как в швейцарском банке, «полная тайна вкладов».

«Человеческое измерение» – тема весьма деликатная. Действительно, как «измерить человека»? Мы понимали, что каждый раз это будет очень трудная задача. И каждый раз будут те, кто согласится

с нашим выбором, но будут и те, кто останется недоволен.

Мы уважаем чужое мнение, но при этом имеем и свое. Премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского – общественная. Ее учредители имеют непосредственное отношение к гимназии (либо учились, либо работают в ней, либо и учились, и работают), но, голосуя, они выражают свою личную позицию. Поэтому мы, с одной стороны, отдаем себе отчет в том, что при выборе лауреата в этой номинации невозможно требовать от кого бы то ни было стопроцентного «объективизма». А с другой – берем на себя ответственность за то, что наш жизненный опыт, наше знание гимназического сообщества и традиций школы являются достаточной гарантией того, что из предложенных самой гимназией претендентов мы выберем самого достойного. В конце концов, мы отвечаем за свой выбор собственной репутацией...

ПРОЦЕДУРА ВЫДВИЖЕНИЯ

Еще раз напомним, кто и как может быть выдвинут на соискание Пирятинской премии. Речь идет об учащихся 9–11-х классов красного здания – тех, кто учится (или будет учиться) в этих классах по состоянию на 1 сентября того года, за который вручается Премия. Технически процедура выдвижения очень проста.

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ». Если вы пишете стихи или прозу, просто отберите из написанного вами то, что вам самим нравится. Если вы не уверены в своем выборе, обратитесь к учителям словесности – они вам помогут. Выдвинуть текст можете и вы сами, и поклонники вашего творчества – ваши учителя или одноклассники. Только не забудьте проверить тексты на наличие в них орфографических и пунктуационных ошибок – все-таки номинация называется «Русская словесность». Желательный объем текста – до 12 000 знаков. Выдвижение завершается 15 сентября.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ». В этой номинации самовыдвижение по понятным причинам невозможно. Номинировать человека на Премию могут его товарищи, учителя, сами учредители Премии. Присылая на указанные адреса имя этого человека, нужно кратко пояснить, почему именно он достоин стать лауреатом Премии имени Ю.Б. Пирятинского. Выдвижение завершается 1 ноября.

Все материалы присылайте по почте либо на личный адрес координатора Премии Владимира Николаевича Рудакова (ps-rudakov@yandex.ru), либо на адрес Премии (premia-1505@yandex.ru).

Напомним, что лауреатом можно стать только один раз за все время обучения в школе. И в каждой номинации каждый год мы выбираем только одного лауреата. Лауреаты получают символы Премии – серебряный знак, красный кирпич авторской работы с монограммой «ЮБ» и символический ключ от школы. Кроме того, мы оплачиваем каждому из лауреатов стоимость поездки в рамках гимназических выездов (поход, Волга, путешествие с классом в другой город и пр. – на усмотрение лауреата).

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»:

ТЕКСТЫ ГИМНАЗИСТОВ

Давид Арустамьян,
11 «А»

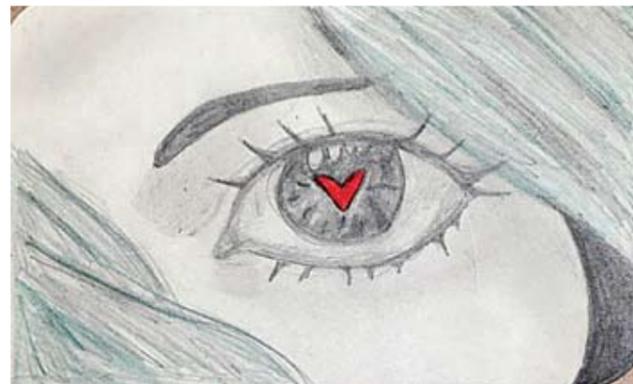
Поток

С самого детства каждому из нас прививают общепринятые моральные ценности. Сказано, что эти ценности ориентированы на поддержание порядка в обществе, но они были установлены скорее для удобства нашего сосуществования. Ведь, согласитесь, гораздо спокойней живется, когда вы уверены, что ваш сосед не представляет опасности – ограничен определенными установками, любезно продиктованными ему обществом. При соблюдении этих негласных правил всем живется комфортно и безопасно. Но с течением времени сохранение человеческих качеств и моральных принципов уходит на второй план, уступая место желанию ухватить больший кусок пирога. Ведь в современной культуре – культуре безудержного потребления – больше ценятся результаты, а не путь к ним. Мысль о том, что цель оправдывает средства, все сильнее въедается в сознание человека, и это может привести к весьма печальным последствиям.

Что же так активно навязываемые нам ценности из себя представляют? На мой взгляд, они водят готовность самопожертвования в культ. Уступи, помоги, поделись. То есть отдай кусочек своего чужому безвозмездно. И нас за подобные поступки регулярно поощряют, давая понять, что подобная форма поведения наиболее желательна и ожидаема каждым окружающим тебя человеком. Но насколько подобные поступки эффективны с точки зрения выживания? Я уверен, что не за горами те времена, когда придется делать выбор между своей безопас-

ностью и чужим благом. Давайте же обратимся к опыту эволюции. На протяжении всей истории выживал не тот, кто жертвовал собой и своими интересами ради другого, а тот, кто заботился исключительно о своем благополучии. Тот, кто мог пойти на сделку с совестью – обмануть, предать, сдать. Показывая на практике: накрыв собой гранату и защитив чужого ребенка, вы не даете шанса самому себе сделать вклад в этот мир, а доверяете эту задачу слабому несформированному созданию, которое, вполне возможно, не сможет себя сберечь в дальнейшем. Получается, что ваши высокие моральные ценности умрут вместе с вами. Вы не сможете их передать ни своим детям, ни обществу, просто потому что будете мертвы. В свою очередь, кто четко понимает, что никому и ничего не должен, понимает, что самое ценное – это его жизнь, тот и сможет выжить в абсолютном большинстве передраг. Именно такие люди в дальнейшем и заводят семьи и рожают детей, просто потому что остались живы, потому что в решающий момент поставили во главу угла ценность именно своей жизни и поняли, что они сами для себя важнее, чем чужой ребенок, старый друг или навязанный патриотизм. Говорят, что выживает сильнейший, но так ли это на самом деле? Очевидно, что выживает тот, кто может сбросить с себя цепи морали и честолюбия. Тот, кто свободен от идей самопожертвования ради мнимого общего блага.

Во всем этом я вижу парадокс. Для того чтобы сохранить моральные ценности, то есть передать их следующему поколению, необходимо сберечь себя как их носителя, но становится все тяжелее оставаться на плаву, не пренебрегая ими. То есть этим ценностям не выжить. Никак. Не утверждаю, что нашему поколению суждено увидеть это совершенно беспринципное общество, в котором каждый сам за себя, но я уверен, что это лишь вопрос времени.

Сергей Ахакин,
10 «А»

Исповедь Дьявола

Ветер был сухим и знойным, вместо желанной прохлады и облегчения он нес с собой лишь жару и пыль. Солнце стояло в зените, и его яркие палящие лучи освещали практически пустую крышу каменного здания середины прошлого века, окруженного высокими пальмами. На краю этой крыши, у вертолетной площадки, собралось с десяток легко одетых человек; все они, однако, были хорошо вооружены. Среди группы особенно выделялся рослый темнокожий мужчина, одетый в простые джинсы и гавайскую рубашку. Он стоял на небольшом парапете, приложив ладонь к глазам и глядя куда-то вдаль, в сторону далекого моря. Я знал этого человека. Это был Доминик Монро. На протяжении последних нескольких месяцев я искал встречи с ним с одной-единственной целью, древней, как этот мир или, во всяком случае, как вся людская раса. Дни и ночи напролет жажда мести не давала мне отступить, я изо всех сил пытался найти Доминика. Что иронично, в итоге он сам меня нашел. Вернее, его подчиненные, но в данном случае это было практически одно и то же.

Наемница подвела меня к диктатору:

– Он здесь, как Вы и просили, босс. Признаюсь, поймать его оказалось сложнее, чем я думала.

Доминик промолчал. Более того, он даже не повернулся в сторону охотницы за головами, даже не посмотрел на меня. В воздухе повисла напряженная пауза. Про такие иногда говорят: загибье перед бурей. Наконец Доминик заговорил, все еще глядя куда-то вдаль:

– Многие дети считают, что быть злодеем здорово. Хитроумные планы, море сарказма и едкой иронии, серьезные амбиции и желание повелевать другими кажутся ребенку крайне впечатляющими. Но на самом деле быть злодеем хреново. Вместо хитроумных планов ты получаешь лишь горечь поражения, слезную ненависть и тупую непрекращающуюся боль. Черный юмор превращается в насмешку над самим собой и очередную бесплодную попытку спрятаться от жестокой действительности. Амбиции разбиваются о предательство друзей и поражения, а попытки управлять толпой приводят к тому, что именно

она при первом же удобном случае пытается тебя разорвать.

Монро опустил руку, покачал головой и вздохнул.

– Я стал злодеем в твоей истории не потому, что так рьяно хотел уничтожить тебя, а просто потому, что не смог иначе, – продолжил он после короткой паузы. – Я сам загнал себя в эту ловчую яму и сам вынудил себя начать этот бесконечный круговорот насилия, а причиной всего этого были моя глупость, лень, самодовольство и неспособность контролировать собственные порывы. Хочешь услышать мою версию событий? Нет никакой моей версии. Я не буду оправдываться, обвинять кого-то и убегать от ответственности. Тебе нужна правда?

Доминик вдруг повернулся, не спускаясь с парапета, и пристально посмотрел на меня, словно пытаясь заглянуть в мои мысли и понять, о чем я сейчас думаю. Затем он вновь заговорил:

– Что же, знай: все, что тебе рассказали обо мне, – правда. Нет, даже не так. Я много хуже самых ужасных рассказов обо мне. Я тварь, разрушающая все, к чему она прикасается. Ты не понимаешь, почему я такой? Ты пытаешься найти повод, причины, мотивы в моих поступках? Я имбецил и конечный садист, вот тебе и все причины. Каждое утро я просыпаюсь и смотрю на себя в зеркало, пытаюсь понять, как я пришел к своему нынешнему состоянию и когда все пошло не так. И каждое утро оттуда на меня смотрит человек, который не знает никого и ничего, кроме дремлющей внутри него Тьмы. Наверное, есть вопросы, на которые просто нет ответа. Что общего у ворона и письменного стола? Кто такой Джон Галт? Почему мне до сих пор так больно?

Он хмыкнул и продолжил:

– Какой-то мудрец в свое время наверняка сказал: «Бойся слабого, который стал сильным. Бедного, который стал богатым. Безобразного, который стал красивым. Глупого, который стал умным. Доброго, который стал злым. Нет никого опаснее подобного человека». А если не сказал, то ему стоило бы это сделать, потому что он чертовски много потерял, не придя к такой мысли.

Очередная пауза – и снова этот пронизывающий взгляд, направленный как будто тебе в душу. Взгляд, полный горечи и чего-то очень личного. Диктатор сделал жест рукой, и по его приказу наемница сняла с меня путы. Теперь я был свободен, впрочем, толку от этого пока что было мало: вокруг хватало вооруженных людей, готовых, в случае чего, превратить меня в фаршированную свинцом котлету. Доминик вытащил из-за пояса револьвер и вновь заговорил:

– Все мы стоим на распутье, и рано или поздно каждый из нас должен сделать выбор между жизнью и смертью, Адом и Раем, стоицизмом и суицидом. Свой выбор я давно сделал. Теперь пришел твой черед. Подойди. Этот кольт заряжен серебряными пулями. Держи. Возьми в правую руку. Неправильно, ты не так поставил пальцы. Вот, уже лучше. Подними. Отлично. Теперь решай, что ты будешь делать дальше. Но что бы ты ни сделал, учти, что у любого выбора есть свои последствия. Всегда. И правильного ответа не существует. А если он когда-то и был, то его уже нет. Сейчас остался только ты, и лишь тебе решать, что будет дальше. Хочешь быть героем? Пожалуйста. Геройству. Я не стану мешать. Не сегодня. Не в этот раз.

Я взвел курок и направил револьвер на своего давнего противника, но стрелять не стал. Убивший дракона сам становится драконом. Я вдруг понял, что у меня с моим злейшим врагом куда больше общего, чем даже с лучшими друзьями. А еще я подумал, что, похоже, все, что я делал раньше, вело меня сюда. К этому мигу. Наверняка во времени есть точки, где наш выбор определяет, что же будет дальше. И если до сих пор вызывающая жаркие дебаты у физиков теория о Мультивселенной все же верна, каждое такое решение разнится во множестве параллельных вселенных. И как бы я ни поступил, где-то найдется та версия меня, которая сделает все иначе. Но пока я здесь и сейчас не совершил ничего, я могу стать любой из них. Я стоял на пороге переломного момента. Не убийца и не пацифист. Не живой и не мертвый. Как кот Шрёдингера.

– Ты просто запутался и потерял себя в поисках смысла жизни. Однако это не умаляет всех твоих преступных деяний. Ты опасен для общества, но ты

не заслужил смерти. Сегодня, когда я заглянул тебе в глаза, я посмотрел в Бездну, а она посмотрела в меня. Но я пока еще не стал чудовищем и не собираюсь им становиться. Ты говоришь о смерти, но она – всего лишь роковая череда событий. Событий, на которые мы можем влиять. Ты делишь мир на противоборствующие начала. Зло и Добро, Инь и Ян, черное и белое. Но наша действительность состоит из многочисленных оттенков серого. Правильного ответа и правда нет, но только потому, что нет и правильного вопроса. Ты дал мне пистолет, чтобы посмотреть, что же я буду с ним делать. В кого выстрелю и смогу ли вообще выстрелить. Я сделал свой выбор.

Я слабо улыбнулся.
– Иногда полусладкий чай хуже, чем пустой. Иногда, но не сегодня. Я уйду. И я настоятельно рекомендую тебе не стоять у меня на пути. Потому что в одном ты, пожалуй, прав: вместо хитроумных планов ты получаешь лишь горечь поражения.

Яна Будилович, 9 «В»

*Приходи ко мне чаю попить,
Поедим куличей из песка.
Нужно взрослее мне быть?
Тогда откроем бутылку вина.*

*Давай вспомним школьные годы,
Точный расчет проведем,
Испишем тетради, блокноты
И из пледов дворец возведем.*

*Назовемся царями игрушек
И законы будем писать,
Чтоб до ужина сладости кушать
И в Новый год подольше не спать.*

*А для кукол нужны уроки
Уголовного права ввести,
Астрофизику тоже неполо,
Пусть постигают науки труды.*

*Если царство уже надоело,
Предлагаю закончить игру.
Что-то я есть захотела,
Давай в магазин заглянем.*

*Я прошу, оденься теплее,
Не забудь шерстяные носки.
Ты готов? Тогда помоги мне
Завязать на ботинках шнурки.*

*Проходя между полок со сладким,
Боюсь потеряться одна.
Разреши мне купить шоколадку
И держи мою руку всегда.*

*С тобой я б хотела смеяться,
Вместе играть и резвиться,
Темноты и щекотки бояться –
Вот только ты где-то в больнице.*

*А без тебя не могу, нету красок,
Все печально и серо вокруг.
Как жаль, что все это сказки
И детство никак не вернуть.*

*Но, садясь на больничную койку
И беря тебя за руку вновь,
 Попрошу объяснить, как ребенку:
«Ты домой скоро придешь?»*

Екатерина Бушужева, 10 «А»

Изабелла

«А с чего вообще все это началось?» – спрашивал себя уже немолодой человек, задумавшись над окончанием строфы. Рифма слишком долго не приходила в голову, и он невольно начал освобождать ее от уже наскучившего сюжета. Слишком долго мужчина писал лишь при свете кухонной вытяжки, поэтому глаза его устали и требовали либо полной темноты, либо яркого освещения. Выбрав из двух вариантов тот, который, казалось, не должен был разрушить откровенную атмосферу ночи, а вместе с тем и вдохновение, он вышел на ветхий балкон, находившийся на третьем этаже жилого дома и выходящий прямо к кроне деревьев. Немного задержавшись в городе душный август сменялся свежим, прохладным и оттого приятным сентябрем. Облокотившись на балконную перегородку, мужчина немного перегнулся через нее, пытаясь поймать наиболее прохладный, практически неуловимый порыв ветра, который еще не успел влететь в чью-нибудь квартиру и украсть оттуда запах специй, ладана или женских духов.

«Нет, правда. Когда я вообще начал писать?» – силится вспомнить он. Спешить ему было некуда, поэтому над этим вопросом мужчина мог поразмышлять серьезно. Присев на небольшую табуретку, стоявшую в самом углу балкона, он взял коробок и то чиркал спичкой, высекая небольшой купол пламени, то гасил ее и впивался глазами в темноту, в которой еще несколько секунд горел огонек-мираж.

Вдруг после очередного щелчка вместе с пламенем напротив глаз мужчины вспыхнули... Будто... Еще чьи-то глаза. Он увидел их не очень отчетливо, но они показались ему очень знакомыми. И пока мужчина вглядывался в искрящееся изображение, огонь дошел практически до конца спички и стал обжигать пальцы. Рефлекторно рука сама отбросила деревяшку. Глаза пропали, и мужчина, охваченный непонятным чувством то ли тревоги, то ли радости, приподнялся на табуретке и судорожно зажег новую спичку. Теперь он не мог спутать возникшие перед ним глаза ни с какими другими. Он точно вспомнил их, и вот уже тусклый огонек освещал не только переносицу, но и немного спутанные волосы, фигур-

ные губы и длинную шею. Как зачарованный, смотрел мужчина на образ, вспыхивающий в темноте. И каждый раз с его появлением все не мог поверить в то, что практически забыл этот некогда любимый женский лик.

В их последнюю встречу она так же играла со спичками, то освещая лицо любимого, то прячась от него в обворожительной темноте, которую для них создавала глубокая арка дома, погруженная в ноябрьский вечер.

– Хватит баловаться, мне прикурить нечем будет!

– Ну подожди! Тебе спичек для меня жалко? – игриво ответила она.

– Все, придется мне остановить тебя, – решительно сказал мужчина и поцеловал девушку.

– Ты меня совсем не любишь.

– Почему это?

– Я утром уеду, а ты мне не даешь в последний раз поглядеть на тебя.

– Как так в последний? Ты же вернешься, правда? А я буду писать тебе.

– Может, вернусь, а может, и нет, – сказала девушка, еще раз чиркнув спичкой.

Она была настоящей красавицей. На ее словно выточенные из мрамора ключицы спадали массивные, густые локоны волос, завивающиеся к концам. Лицо было заострено, но мягкость внешности придавали пухлые губы и большие, широко раскрытые глаза. Тонкие кисти рук и длинные пальцы, украшенные небольшими элегантными колечками на фалангах, стройность фигуры – все это необыкновенно притягивало мужчину. Также ему нравилась

легкая южная нотка в ее внешности и поведении. Кажется, мать девушки была нерусская, а в Москву она приехала вместе с отцом. Но отличала ее от коренной москвички только внешность. Не было никакого акцента в речи, и культура северной страны быстро ей полюбилась.

Мужчина уже не мог вспомнить, как они познакомились. То ли он наступил ей на ногу в автобусе, то ли она ему – это, в общем, было не столь важно для него. Куда большее удовольствие мужчине доставляли воспоминания о тех днях, что они проводили вместе. Он любил гулять с ней по старым осенним переулкам, потому что там можно было найти уйму укромных местечек, которые, как известно, покровительствуют редким и нежным поцелуям влюбленных. Она любила собирать букеты из осенних листьев, а потом дарить их какому-нибудь встречному ребенку. Любила кофе с мятным сиропом, любила краситься красной помадой. А еще она по-настоящему любила Его.

Все эти встречи, объятия, признания, наполненные осенней прохладой и теплотой рук, промелькнули в голове мужчины за несколько секунд, погаснув

вместе с очередной спичкой. Он вспомнил и то, как начал писать... Самые первые строчки в жизни, посвященные ей, сорвались с его губ так же неожиданно, как и когда-то родились:

По радио передали:

Со вторника холод, зима.

Последние дни для признания:

Я очень люблю тебя...

Мужчина вспомнил и то, как они прощались на промокшем до нитки вокзале. И как он писал ей письма еще целый год после расставания и в этих письмах посвящал ей свои первые стихи. Десятки лет назад он был уверен, что девушка вернется. Конечно, вернется! Быть может, следующей осенью или летом... Видно, так распорядилась судьба, и вот прошло уже гораздо больше лет, чем он предполагал, но она все-таки вернулась к нему в этих коротких пылающих миражах и не постарела ни на день с их последней встречи.

Когда в руках мужчины догорала последняя спичка, он с ужасом считал секунды до их нового расставания. Теперь он не мог вспомнить лишь... Ее имени. На языке крутилось что-то приторно-южное, отдающее сладостью. Как обычно и происходит, когда с трепетом ждешь чего-то, это случается в самый неожиданный, неподходящий момент. Резкое дуновение ветра – и волосы девушки развеялись вместе с пеплом, оставшимся от спички. Мужчина словно хотел выкрикнуть ее имя, позвать, вернуть – и, как немой, не мог произнести ни звука.

На улице неожиданно похолодало, поднялся ветер, и ему ничего не оставалось, как вернуться в дом. Озябшими руками он открыл балконную дверь и, постояв еще несколько секунд перед порогом, вошел в квартиру. Тепло сразу же начало окутывать тело, прогоняя мурашки с ног, рук и шеи. Дойдя до кухни, он снова присел к столу. На нем все так же лежал лист с незаконченными строками, все на тех же местах стояли кружки, тарелки, вазы. Так же ритмично тикали часы. Взгляд мужчины почему-то остановился на бутылке вина, стоящей в одном из дальних углов кухни. Несколько минут он не мог понять, что же такого приковывает его в обыкновенной бутылке обыкновенного красного вина «Изабелла».

Как раскат грома прокатилось это имя в его голове: «Изабелла... Как же я мог забыть...»

Словно зачарованный, мужчина взял ручку и дописал ее имя в конец стихотворения. Как нельзя лучше подходило оно к этим строчкам:

Этот мир крайне тесен...

Для нас...

Снова вижу твой острый анфас.

*Ты моя откровенная вера.
Возвращайся весной, Изабелла.*

Мы верили в легенду

Посвящается...

*Мы верили в легенду про то, что шрам – награда
И что его из боя выносят как трофей,
Что для мужчины каждого обычная отрада –
Своими переделками поудивлять друзей.*

*Мы любовались метками на теле от ненастья
И говорили: «Шрамы лишь потчуют мужчин».
Теперь мужчине стыдно показывать запястья –
Его борьбы с собой не понимает мир.*

Тайна

*Я читала в книге, что любовь – гранит,
Изучать который – сплошная скука.
И учебник есть, что давно забыт,
А экзаменом будет опять разлука.*

*Говорила ночь, что любовь – секрет,
Сохранить который дано немногим.
Отступала тьма, мне шептал Рассвет:
«Это тайна между двумя. И Богом».*

Замечает твоя печаль

Замечает твоя печаль. Для меня что – обычный снег.

*Мы на глаз измеряем даль. Для меня что – уже побег.
Между мной и тобой – года. При желании можно в них
Уместить (от меня до тебя) еще сотню людей других.*

Семь десятков случайных встреч (в округленном числе – до ста).

*Выбираем, кого беречь, мы уж сами, вот в чем беда.
И пока все метет пурга, а мы молча в окно глядим,
Я хочу лишь сберечь тебя... Между мной... И еще...
Другим.*

**Екатерина
Васильева,
9 «Б»**

Поглощение

Под водой много света и глубина. Что ты чувствуешь? Будто в огромном пустом зале с колоннами и одновременно в крошечной комнатке. Ты не знаешь, что тебя окружает, только чувствуешь. Огромная рыба проплывает мимо, но все по-прежнему спокойно. Никаких звуков или колебаний, только тишина и покой. Страх заглатывает с головой, и хочется крикнуть во все горло, позвать звуком, обозначить, что ты еще живой и твои легкие могут дышать. Струи света пронизывают плоть воды. Можешь успокоиться – ничего уже не произойдет, уже слишком глубоко. Ты словно падающая звезда. Она не возвращается на небо, она больше не будет светить и разрушаться. Ты летишь, и уже вода в твоих глазах, словно все слезы мира вливаются обратно. Жгучий огонь соли растворяет все, что ты мог ими увидеть. Сердце уже не кольнется и не пытается вырваться из клетки легких. Темный эликсир растекается по телу. Он заполняет все дыры. Несбыточное и прожитое, горькое теперь не имеет значения. Больше нет проблем и нерешенных вопросов. Воздух исчез. Новое пространство. У него другие правила. Белизна плавно движущегося тела светится в густом мраке океана. Тебя уже нет, есть замедленное падение. Тело поглощают пустота и безмятежность. Его медленно поглощает океан. Что важно? Красивое падение. Все верно. Мне страшно: а если я не имею значения? Ты можешь почувствовать, как твои руки, кончики пальцев перестают быть твоими. Их уже нет. Они не существуют. Они мертвы. Тьма поглотила свет. Осталось ли что-то человеческого в том пространстве, где ты сейчас находишься?

Вернемся к началу истории. Гулкие крики моряков на набережной, отдаленно доносятся визг чаек и шум прибрежных волн. Вдоль моря – огромный ряд из крошечных палаток с разной морской рыбой. В воздухе задержалась жара. Запах соленой сырой рыбы преследует каждого, кто проходит мимо этих торговых рядов. Солнце в зените, и никакая шляпа не спасет от выжигающих резких лучей. Валентина, гуляя вдоль моря, пытается не задохнуться от рыбной вони. Солнце слепит глаза. Она смотрит в телефон. Экран очень плохо видно из-за солнечного света, звуки постоянно отвлекают, но она с очень озадаченным лицом что-то изучает. Она немного выделяется среди

грязных и неопрятных рыбаков, сидящих у берега. Крупный волнорез наконец достигнут, и Валентина уже стоит на краю большого каменного выступа, уходящего на 50 метров в глубокий океан. Она все еще что-то просматривает. Заметно, что она расстроена. Тут телефон убирается в задний карман шорт, и ее взор устремляется в синюю гладь воды. Мелкие волны медленно перекачиваются по водной глади. Медленно она опускает в воду руку, вода приятно обволакивает. Внизу, глубоко плавают рыбы. Она опускает голову в море. Если открыть глаза, то после слабого

жжения можно увидеть бирюзовое свечение. Уже через несколько минут Валентина полностью оказалась в воде. Если опуститься глубже, все звуки исчезают. Но только не сейчас. Очень глухой рев и пузырьки вдалеке. Будто кто-то вылил в море газировку. Звук становится все громче. Валентина пытается уплыть, она напрягает каждую мышцу тела. Дыхания не хватает, больше нет сил грести. Рев уже слишком близко, уже слышны отголоски песни. Мысль со скоростью света промелькнула в голове. Нет, уже поздно. Много света и глубина. Это все, что осталось.

Варвара Затонская, 9 «А»

Я в вас влюблен

Да, я в вас влюблен...

Нет способов молчать на эту тему.

Я в вас влюблен!

Хочу я поиграть на ваших нервах.

Я вас люблю!

Хочу я истязаться лишь над вами.

Я вас хочу!

Не буду я сорить для вас словами!

Вы влюблены?

Ну что же вы молчите?

Ну отвечайте ж вы,

Ну не томите!

Я в вас влюблен...

Простите за мученья,

Любовь ведь придает лишь им значение...

Прошу! Останься лишь на миг,

Возьми в свои худые руки

И отпусти, подним чудесный лик,

Мои, холодные от скуки.

Я не намерен спотыкаться об осколки,

Ведь больше нет любви,

Остались только склоки.

Прошу тебя! Останься лишь на миг,

Я попытаюсь все исправить.

Но ты ушла, оставив мне на память

Влюбленность вечную, как боли крик.

«Тик-так», – тикают часы в полнейшей угнетающей и пустой тишине. Ты медленно привстаешь с кровати, и идиллия прерывается громким скрипом. «Тик-так», – ты уже сидишь, ноги ощущают холодный, как вода в речке ранней весной, кафель. «Тик-так», – ты встаешь и на ощупь, в крошечной темноте, поглощающей всю твою небольшую комнату, направляешься к двери. «Тик-так», – рука тянется к двери очень неуверенно, параллельно краем глаза ты пытаешься разглядеть свою фигуру в темном зеркале, гладь которого похожа на портал из мистических фильмов. «Тик-так», – дверь отворилась на удивление бесшумно (может быть, это все сон?), яркий лунный свет ударил в глаза, ты зажмурилась. «Тик-так», – гостиная, за ней кухня. Ты думаешь: «Какое бессмысленное путешествие по квартире, да еще и ночью». «Тик-так», – ты вглядываешься в темноту, надеясь увидеть какую-нибудь сущность или чудовище со страшными клыками (видимо, в тебе еще не успели убить детские страхи и фантазию). «Тик-так», – ты слушаешь, наслаждаешься. Тихо. «Тик-так», – ты садишься на пол, слабый ветерок из открытого окна сквозит и обдувает твоё тело. «Тик-так», – ты закрываешь глаза и погружаешься во что-то свое очень личное, в свою собственную тишину и слышишь свой уже последний «тик-так»...

Последняя встреча

Иви проснулась от голоса. Медленно открыв глаза, она услышала снова: «Ивулькин, вставай, ты опять опоздаешь».

Перед глазами предстал типичный пейзаж: старые, кое-где отклеившиеся обои, плотно закрытое окно – не лето все-таки. А, нет, все же что-то новое есть: мама купила новый коврик.

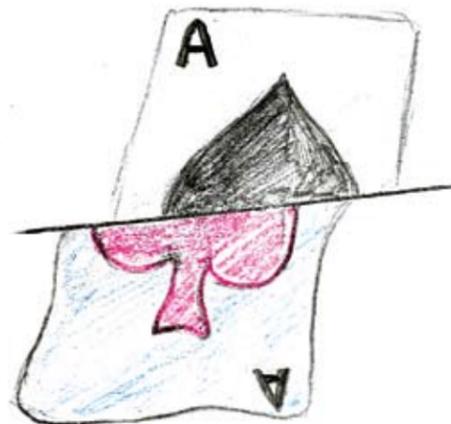
Иви медленно сползла с кровати, и тут в комнату заглянула мама – красивая женщина с мимическими морщинами и очень большими голубыми глазами. Она повторила: «Иви, да вставай же ты наконец, мы всюду опоздаем». В голове промелькнула мысль: «Куда опоздаем, зачем?» Но мама, как будто прочитав мысли, напомнила моментально помрачневшим голосом: «Отец ждать не любит».

Родители развелись три года назад. Иви было всего лишь десять – как раз то время, когда начинается переходный возраст и все становится ужасно невыносимым. Они развелись тихо, что странно, потому что отец ушел к другой женщине. Вроде ее звали Нинель, по крайней мере, он ее так называл. Мама долго плакала... Но что-то я совсем раскисла, да и вообще это было три года назад.

Мама собиралась быстро, почти не красилась, в отличие от Иви. Черное платье, высокие берцы, темные стрелки и ключ от окна на шею (так модно). Они вышли из дома, на улице знакомая картина: голые деревья без единого листика, тускло горящие фонари, хрущевки... Как же все это надоело. Они дошли до метро. Как много народу... Вышли в центре. И тут она увидела отца. Чувство ненависти и печали прожгло грудь – да, она все еще обижена. Натянув улыбку, Иви подошла и обняла его. Мама подходить не стала, помахала рукой и растворилась в толпе.

Отец улыбнулся и произнес: «Ну привет, мама уже сказала?» Опять эти мысли: «Они что, общаются? Что она должна была сказать?» Вместо этого она сухо произносит: «О чем ты?» Папа так же весело, с улыбкой парирует: «О чем я, о чем я, да о том, что мы с Ниночкой уезжаем. И скорее всего, навсегда». Боль – это все, что она чувствует, слезы наворачиваются на глаза. Она произносит, медленно проговаривая каждое слово (главное, чтобы не дрогнул голос): «Мои поздравления».

Она отворачивается и идет к метро, ее не останавливают ни руки отца, ни крики. Она идет, и мир рушится. Проезжая на эскалаторе очередной баннер с рекламой, она думает: «Что дальше? Как же мама?» – и закрывает глаза.

Валентин Звонников, 10 «В»

Анохарад

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...*
А.С. Пушкин

Я бежал уже день, бежал из этого проклятого места, забыв былую смелость и гордое бахвальство. Пустыня обдавала меня ледяным жаром, лишая сил и самой надежды на спасение. Рыжий ковер песка, пребывавший в постоянном движении, покрывал все вокруг, скрывая горизонт и делая незаметным мое продвижение в этой пустоши. Силуэты редких подобию деревьев, высушенных до состояния хрупкой трухи, тоскливо чернели в отдалении, возвышаясь скорбными надгробиями жизни над безграничной равниной смертоносной суши.

Лошадь моя, наделенная, как и все животные, большей, чем человек, чувствительностью к обстоятельствам сверхъестественного сорта, покинула меня, сбросив ненужную ношу в песок. Это случилось несколько часов назад, и совсем недавно я прошел мимо ее свежего трупа, еще не тронутого ни разложением, ни насекомыми, если они были в этой мертвой пустоте. С непривычным безразличием я наблюдал бездыханное тело животного, долгое время бывшего моим единственным спутником в далеких путешествиях по окраинам материка. Впрочем, после всего увиденного и испытанного здесь это обстоятельство уже не казалось мне чем-то впечатляющим – мой ум скорее озабочила тяжкая мысль о том, что теперь остаток пути мне придется преодолеть пешком и в совершенном одиночестве. Тем не менее побороť отвращение и отделить от трупа некоторые части, годные в пищу, я не смог, а потому оставил тело и дальше гнить в песках, превращаясь в очередное свидетельство гибельности этого места.

Теперь, будучи предоставлен самому себе в этой обители мук, я не могу не поразиться своей глупости, толкнувшей меня на путешествие в место столь злое и удаленное от очагов цивилизации. Впрочем, ключ к этому безумному поступку, вероятно, следует искать в самой моей натуре. С детства я был склонен к тому, чтобы обследовать бескрайние леса, окружающие богатую обитель моих благочестивых родителей.

В этих походах, порой довольно продолжительных, я открывал для себя многие тайны чащи переплетенных ветвей и нередко поражал родню рассказами об обширных подземных могильниках в гуще ельника, надписи в которых были сделаны на языке, непонятном мне до сих пор, хотя я и сохранил в своей памяти несколько слов, начертанных на камне, чтобы позднее продемонстрировать их опытным лингвистам из Сентье. Однако после того как я как-то под вечер поведал родне о загадочном Зеленом Человеке, в беседах с которым проводил долгие часы, мои старшие родичи всерьез обеспокоились моим душевным состоянием и поспешили перевезти меня в город, подальше от заповедных куц с их неизведанными секретами. По прошествии нескольких лет я окончил исторический факультет университета в Шантоё, где получил и место при археологическом музее, славившемся своей коллекцией древностей. Став чем-то вроде корреспондента при этом мрачном учреждении, чьи коридоры были пропитаны запахом тлена, я получил возможность более не пылиться в городе, проводя драгоценное время за дряхлыми фолиантами, а заниматься любимым делом, получая при этом солидную плату, вполне покрывавшую мои дорожные расходы. В окрестностях города было мало того, что могло бы заслужить мое внимание, хоть старожилы и рассказывали о некоем упавшем с неба черном камне, вросшем в склон холма где-то в глубине Нарк-Ганнильской топи, а проезжие

путешественники порой говорили с заметной дрожью в голосе о ледящих душу воплях, доносившихся со стороны болот.

Таким образом, я оставил родной край, вопреки увещаниям праведных тетушек, и обратился к исследованию мест весьма отдаленных. Поначалу мои поездки, основанные на робких слухах немногословных жителей, носили хаотический характер. Я отправлялся на место, не зная толком, что мне предстоит обнаружить, и нередко не находил там вовсе ничего, кроме жалких руин времен Лаонельского королевства, некогда объединявшего земли от Центского моря до Каранельских гор, где в мрачном ущелье берет начало зловонная река Арнос. Подобные памятники старины, вероятно, были бы безразличны многим археологам, но не мне – я интересовался следами цивилизаций куда более древних и темных. С годами, однако, мои поиски стали более закономерными и тщательными. И мне удалось обнаружить несколько действительно таинственных мест. Так, весьма интересны оказались катакомбы, найденные мной под заброшенным особняком на болотистом берегу реки, где некогда стоял славный Раттенвиль, полностью уничтоженный пожаром почти двести лет назад и с тех пор ставший лишь жалкой деревенькой с жителями, истощенными эпидемиями малярии и иных болезней, которые легко распространяются в сыром теплом климате. Местные подземелья или, вернее, норы были для меня чем-то вроде глотка

свежего воздуха в вакууме пустобрешной мелочи, хоть и оказались по большей части завалены обломками потолка, изготовленного из неизвестного мне сорта керамики и украшенного костями, часть из которых, вероятно, принадлежала человеку. Огонь, словно поднимавшийся из глубин подземных ходов, уничтожил большую часть надписей на стенах, а влажность почвы довершила начатое. Полвека назад, когда здесь велись масштабные строительные работы, целью которых было восстановление былого величия города, из небытия воскресла часть призраков прошлого в лице весьма странных скелетов, обнаруженных на сравнительно небольшой глубине, что свидетельствовало об их недавнем захоронении... Однако разразившаяся в тот год эпидемия чумы свела на нет все строительство и начавшиеся были изыскания, а потому Раттенвиль снова впал в то жалкое состояние, в котором пребывает до сих пор. Как бы там ни было, именно этот захолустный город послужил отправной точкой моих главных поисков, которые теперь, вероятно, станут причиной моей гибели. Заприметив в полуразрушенном особняке с чудовищной печью несколько книг, которые чудом не уничтожил огонь, я с величайшим тщанием изучил полустертые страницы подернутых плесенью томов, потратив несколько месяцев на расшифровку текста. Для этого дела мне пришлось даже писать в Сен Кифал почтенному господину Ланголье, знатоку древностей и ценителю старинных вещей. Он хоть и оказался не слишком сведущ в древних языках, однако ж натолкнул меня на нужную стезю, указав на схожие письменные символы, найденные в разрушенных городах-капицах древних Кхонов за хребтом Онорэ на Новой Земле и на островах в Центском море.

Побывав на Новой Земле, я, увы, не смог в полной мере изучить останки местных культов, так как наша колониальная компания здесь еще не вполне успешна и, возможно, завершит полноценное закрепление на материке лишь к середине этого столетия. Не желая подвергать свою жизнь чрезмерной опасности, погружаясь в быт дикарей (о боги, как я был наивен), я отплыл назад, предпочтя исследовать руины на относительно освоенных и вполне подвластных герцогству Центских островах. Здесь, в пещерах и расселинах гор, мало интересовавших наших доблестных коммивояжеров, я обнаружил следы жертвоприношений, проходивших подле пугающе реалистичных идолов, древность которых была весьма значительна и исчислялась по меньшей мере сотнями лет. Впрочем, главным, что объединяло между собой Раттенвиль, дикарей-каннибалов Онорэ и здешние горы, были катакомбы. Тут они были чрезвычайно глубоки и уходили, вероятно, на многие метры вглубь земли. Однако я, до времени, не решился исследовать их конец, удовлетвовавшись настенной резбой ближе к поверхности. Долгие часы я просиживал в полумраке этих ходов, расшифровывая при свете лампы закорючки надписей, пока не начинал задыхаться. Тем не менее плоды моих трудов были весьма значительны. Моему познанию открылись обширные трактаты, схожие с частично расшифрованными фолиантами из Раттенвиля. В них говорилось в основном о неких Мертвых богах, населявших обширные подземные пространства, недоступные Смертным. Письмена гласили, что боги были низвергнуты своим повелителем с некой вершины, о которой говорилось весьма туманно, в бездну, где пребывали теперь. Будучи забыты большинством прежних почитателей, Мертвые боги стали слабы и уродливы, потеряв всякое сходство со своим прежним величавым обликом. Они страдали от своей слабости и голода и призвали к содействию жутких тварей, что

в изобилии населяют прослойку, разделяющую миры Смертных и ту темницу, в которую богов заключил их Господин. Так в темных уголках земли, малоизученных цивилизацией, возникли темные культы, посвященные одной цели – обеспечить пищей Мертвых богов. Вовлеченные в них люди становились убийцами и палачами, а кровь и кости их жертв исчезали в прожорливых чревах узников катакомб. Признаться, поначалу я был поражен открывшимся мне знанием, служившим прямым подтверждением тому, что земля населена не только людьми, но и иными, куда более ужасными тварями. Однако в тот момент мною овладело особое чувство, приходящее вместе с открытиями и поисками, интригующими нас до невероятной степени, и порой заглушающее мудрый голос разума, возвевающий об опасности. Таким образом, словно не заметив всех тех вызывающих отвращение и страх у большинства людей подробностей, я более всего обратил внимание на упоминание о таинственном храме в пустыне Анохарад, где, по словам неведомого автора резьбы, находился вход во тьму, в которой обитают Мертвые боги. Это название, несвойственное нашим землям, наводило меня на мысль о древности того места, куда – я уже не сомневался – мне предстояло отправиться.

Покинув душные островные пещеры, я возвратился на родину, снова прижав к книгам, в том числе и к тем, что были привезены из Раттенвиля. Повторно обратившись за помощью к уже упомянутому собирателю древностей, я после долгой и кропотливой работы смог наконец отыскать упоминание об Анохараде в одном из средневековых трактатов, в котором говорилось, что это «пустошь огненного песка, где нет места ничему, что можно было бы назвать живым». Сопоставив этот трактат с географическими картами разных времен, я обнаружил, что Анохарад – архаичное название Синильской пустыни, что лежит к востоку от наших колоний в Ланграсе.

С превеликим трудом мне удалось выхлопотать денег на поездку, частью продав некоторые не слишком ценные вещи из моей коллекции, частью запросив некоторые не слишком ценные для моих изысканий находки. Спустя неделю приготовлений я отплыл в Ланграс паромом – путь по суше был, вероятно, дешевле, но отнял бы значительно больше времени. Естественно, на месте мне не удалось найти сколько-нибудь приемлемого проводника, который провел бы меня к храму: большинство местных, как и подобает простым Смертным, не знали о его существовании. Впрочем, многие из тех, кого я спрашивал о Синильской пустыне, при упоминании этого места приходили в неопределимый ужас и гнали меня прочь, что свидетельствовало о том, что сакральное значение этих песков было все же известно даже необразованным племенам собирателей тростника.

Оставив попытки что-либо разузнать об Анохараде и храме в пустыне, я наконец отправился в путь, подготовившись к длительной дороге. Мое путешествие осложнялось отсутствием карт и ориентиров, однако я верил, что некие сверхъестественные силы, почуяв мое рвение, сами приведут меня к древнему святилищу. Сложно сказать, на чем была основана моя уверенность, но, как ни печально, она оправдалась: на третий день с того момента, как мой конь ступил на горячий песок Анохарада (как ни странно, мне все еще приятнее называть это место так), на восходе солнца я увидел в аловатой предрассветной дымке темные клинья и опухолоподобные округлости крыш, невероятно изогнутые минареты и башни. Чем ближе я был к храму, тем более странным он казался мне. Упомянутые минареты име-

ли вид гигантских угольно-черных змей, изогнувшихся в немыслимой предсмертной муке и отвергнувших свои бездонные пасти. Грани и выпуклости прихотливо сросших крыш были идеально гладки, однако солнечные лучи, казалось, избегали их, и на угольно-черной поверхности не было ни единого блика. Наконец, даже издали было заметно, что это место заброшено давным-давно, ни один из ониксовых жертвенников перед мрачным провалом входа не был зажжен, а чаши их были занесены песком... Но в то же время я ощущал невыразимое биение жизни в этом дряхлом святилище. Что-то, казалось, непреодолимо манило меня внутрь, в ледяную тьму этого города-храма.

Лишь приблизившись на расстояние нескольких сотен локтей, я смог в полной мере оценить поистине невероятные размеры этого архитектурного сооружения, не принадлежавшего, как я теперь убедился, к эпохам истории, известным современной науке, и вряд ли бывшего делом рук человеческих. Достаточно сказать лишь, что с того расстояния, на котором я находился, крыши и минареты храма уже закрывали от меня солнце, неестественно расположенное в зените, а циклопический вход, ранее казавшийся сопоставимым с крепостными воротами в Центфорте, оказался высотой по меньшей мере с семизэтажное здание. Пожалуй, такая арка действительно была предназначена не иначе как для богов и им подобных. В чапах жертвенников же, как можно было видеть, свободно уместился бы, пожалуй, весь тысячный гарнизон вышеупомянутой крепости, и я невольно содрогнулся при мысли о том, какие жертвы могли здесь приноситься неведомым чудовищам...

Моя лошадь, до этого ведшая себя смиренно, по мере приближения к храму начала проявлять беспокойство и испуганно ржала, отклоняясь от пути, так что мне пришлось даже спешиться в некотором отдалении от здания, привязав животное к обломку некоего покрытого резьбой столба, на несколько локтей выступавшего из темного от гигантской тени, закрывавшей небосвод, песка.

Теперь, когда я возвышался над землей не более чем на свой собственный рост, впечатление от величия сооружения, представшего передо мной, только усилилось. Я невольно испытал сверхъестественный трепет перед его создателями и – не приведи боже – обитателями. Вместе с этим в мою душу впервые закралось ощущение противоестественности, неправомочности происходящего... Однако я, как и прежде, пренебрег голосом разума и лишь ускорила свои шаги. Дорога показала мне чрезвычайно долгой: храм, расположенный на идеально ровной поверхности, где песок, казалось, был искусственно распределен для достижения гладкости рельефа, был будто бесконечно отдален от меня, даже по простоты довольно значительного временного отрезка. Затем вдруг я, шедший с опущенной от усталости головой, ощутил перед собой темноту и, подняв взгляд, с удивлением и ужасом увидел над собой мрачную громаду циклопической входной арки, словно вырезанной из монолитной скалы и лишенной всякого подобия сочленений меж частями общей конструкции.

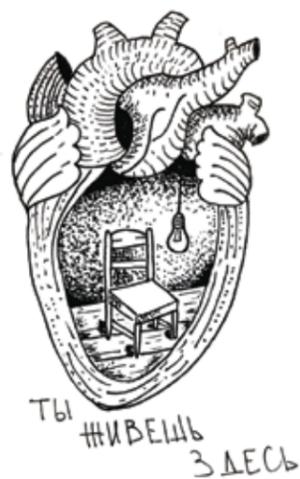
Ввиду отсутствия естественного освещения я был принужден воспользоваться масляной лампой. В ее боязливо корчившемся свете мне предстали безмерно огромные, уходившие, казалось, в самую бездну не-

известности стены первого зала цитадели, чей анабиотический сон я осмелился нарушить. Все здесь указывало на великое предназначение этого места, от которого, признаться, захватывало дух. Только сейчас я в полной мере ощутил, сколь великое открытие было сделано мною. Я не был уверен в том, какой эффект оно произведет в высших научных кругах, однако сам факт существования рядом с нашими утлыми городами подобных величественных твердынь уже казался мне достойным изумления.

Поборов свою робость, я двинулся вперед, освещая путь лампой. Постепенно стены сужались, пока наконец не оказались настолько близко друг к другу, что я мог коснуться обеих, вытянув руки в разные стороны. Благодаря этому действию мне удалось обнаружить, что вся поверхность стен от пола и, вероятно, до самого верха была покрыта неизмеримым числом букв и пиктограмм, тщательно вырезанных на неизвестном камне. Как ни странно, это ускользнуло от меня, даже когда я подносил лампу к самой поверхности стен, так что теперь я понял, сколь значительные объемы информации пропустил, пройдя так далеко вглубь храма, и сколь огромные труды останутся никогда не прочитанными, ибо никто не сможет подняться до потолка этого здания и прочесть здешние письма в полном объеме.

При мысли об этом я с невольным содроганием представил, *какие* твари могли бы вырезать все эти надписи в крошечном мраке. На несколько мгновений мне показалось даже, что воздух наполнился гулом и пошлепываниями сотен лап и скрежетом тысяч кропотливых когтей... Однако наваждение исчезло, и я, списав все на несколько угнетающее воздействие темноты и затхлого воздуха, приступил скорее к тактильному чтению резьбы. Откинув прочь мысли о том, кто до меня мог касаться этих стен, я весь обратился в чувство. С некоторым трудом я проецировал в сознании изображение того или иного символа, сопоставляя его с тем, что нащупывал на стене. Большинство местных фраз было мне понятно по книгам Раттенвиля и рисункам Центских островов. Поначалу я не мог об-

наружить ничего особенно нового и интересного: как я понял, все, что я изучал до этого, было лишь первоначальными фрагментами из огромной книги, которой и являлся храм в песках Анохарада. Наконец знакомые строки кончились, уступив место совершенно новым, доселе неизведанным знаниям. Я с горечью осознал, что упускаю значение текста, так как не могу ознакомиться с его «страницами» целиком... Но и доступного мне было довольно. Здесь, в этой угольной черноте, дававшей приют запретным знаниям, мне впервые встретились три названия, которые, как я понял, дополняли друг друга и объединялись в одно целое. Первое из них – Тартар – обозначало вместе два других. Второе – Ленаар – насколько я мог судить по обрывкам строк, служило названием чему-то вроде «верхних чертогов» загадочного Тартара. И наконец, третье – Цхендер, которому здесь было уделено несколько исполинских столбцов текста, – являлось ужасной темницей под Ленааром, где влачили свое тяжкое существование Мертвые боги. С особым тщанием неведомый автор резьбы распространялся о муках и ужасах, что ждут каждого, кто осмелится нарушить пределы Цхендера и ступит в воды загадочной реки Райхлан – реки мертвецов и матери всех рек. Лам-

па моя, забытая и только машинально удерживаемая мною в руке, успела уже почти погаснуть, когда на словах «К'хоц ан эранес дег'ца кханоц'ри унер гак'хоранек», отосланных к весьма распространенному в отдельных фрагментах этого гигантского текста кантарскому диалекту и означавших примерно «Чьи воды полны мертвых тел, что поток приносит со всего света», строки оборвались, уступив место рельефной арке, обрамлявшей огромную дверь из столь же черного и столь же гладкого, как и камень, металла. От неожиданности я поскользнулся на полу, внезапно ставшем покатым, и, тщетно пытаюсь справиться с головокружением, покатился вниз. Глаза мои, привыкшие к темноте, успели различить еще множество циклопических дверей в стене, прежде чем я совершенно неожиданно оказался погружен в мутные воды мерно текущего потока. Поначалу я растерялся от длительного качения и удара о воду и начал было тонуть, теряя драгоценный воздух. Однако, собрав все оставшиеся силы, вынырнул на поверхность... Боже, ни о чем в жизни не доводилось мне жалеть так, как я пожалел об этом спасении.

Я обнаружил себя в обширной пещере, всю нижнюю половину которой от края до края занимала мутная река, текшая в направлении, противоположном моему взгляду. Слева от меня чернел проход, откуда я, вероятно, выпал. В отдалении в стенах виднелись схожие отверстия, одно из которых даже, как мне показалось на мгновение, озарилось светом... Стоит отметить также, что пещера, несмотря на явную необработанность стен и потолка, была освещена неким тусклым светом, источника которого я пока не мог видеть.

От воды исходило ужасное зловоние, и его причина скоро обнаружилась: повсюду, показываясь то тут, то там, среди волн плыли бесчисленные мертвые тела. Часть из них, казалось, были недавно оставлены жизнью, иные были в крайней степени разложения. Я едва смог сдержать крик, когда прогневивший и кипащий задохнувшимися и разбухшими от воды червями труп про-

плыл совсем рядом, задев меня плечом. Лишь присущее мне от природы хладнокровие и вечно трезвый рассудок помогли не сойти с ума в этом ужасном месте, которое, как я понял, и было той самой загадочной рекой Райхлан – рекой мертвецов и матерью всех рек. Движимый неким противоречивым любопытством, которое, вероятно, присуще людям по странной прихоти природы и практически непреодолимо даже в ситуациях, когда, казалось бы, следует бежать и спасаться, а не предаваться исследовательским восторгам, я повернул голову в направлении течения реки. Меня переполняли отвращение и страх, однако вышеупомянутое любопытство оказалось все же сильнее... Открывшееся мне зрелище так же, как и уже виденное мною сегодня, происходило словно из серии работ безумного художника, поставившего своей целью изображать лишь проникнутые безысходным ужасом циклопические пейзажи, полные мерзких подробностей и тошнотворных деталей. Перед моими глазами предстала огромная пещера, сплошь залитая водой. Вероятно, площадь ее составляла несколько сотен акров, что вполне давало право назвать это место подземным озером. Изуродованные гигантскими трещинами стены непрерывно исторгали в воду потоки темно-красной, почти черной субстанции, до ужаса напомилавшей кровь. Потолок пещеры, источавший, судя по всему, некое сияние (иных источников света я не мог обнаружить, сколько ни старался), не был мне виден, так как все это величественное зрелище открывалось таким образом, что значительно более низкая арка тоннеля, по которому текла река, закрывала мне большую часть обзора, а тронуться со своего места я не смел, скованный неким неосознанным страхом. Более всего прочего мое внимание привлекали странного вида гигантские буровато-серые скалы, возвышавшиеся посреди озера в количестве десятка или около того, вокруг которых в неспешном водовороте кружились мертвецы.

Главная странность этих камней заключалась в основном в форме: неизмеримо высокие, они уходили

вверх далеко за пределы моего поля зрения, сохраняя при этом весьма небольшую толщину на всем видимом мне участке. Пару раз мне показались даже, что некоторые из них двигались, совершая небольшие перемещения в воде, но я считал это игрой утомленных сменой освещения глаз. С решимостью, присущей мне в трудных ситуациях, я наконец приготовился покинуть это пугающее место, рассчитывая взобраться по покатоному спуску, приведшему меня сюда. Внезапно мое внимание привлекли странные звуки, донесшиеся со стороны гигантской залы. Право, не знаю, во имя чего я обернулся, однако то, что я увидел, вероятно, навсегда сохранится в памяти: на моих глазах две ближайšie ко мне скалы неторопливо передвинулись ближе к тоннелю, тревожа воду, а после... Сверху, подобно иссушенной временем ветви исполинского древа, оторванной от ствола и с треском устремившейся к земле, в мутное скопище мертвецов опустилась чудовищная пятипалая лапа, увенчанная короной длинных, прихотливо изогнутых когтей. С ужасающим спокойствием лапа загребла из воды несколько полуразложившихся тел, растекшихся отвратительным киселем по грубой бурой коже, казавшейся мне до этого камнем, и подняла вверх, откуда чуть погодя донеслись отвратительные звуки, напоминавшие сокращение немислимых челюстей, которое сопровождалось хрустом многочисленных костей...

Не помня себя я взобрался на скользкий уступ, с которого упал в воду, и кинулся прочь, отчаянно цепляясь за покрытые резьбой стены. Я был ослеплен темнотой, двигаясь на ощупь, и это лишь способствовало работе моего воспаленного воображения, дополнявшего увиденное изображениями из прочитанных книг и наскальных надписей. *Те чудовища, чьи ноги я принял за огромные пики скал и чьи лапы достигали, вероятно, длины в сотни локтей, и были Мертвыми богами...* Воистину, я был счастлив избавлению от участи узреть их во всей их уродливой стати, ибо даже скудные черты рисунков, что мне довелось увидеть, бросали в дрожь. Теперь мой мозг, словно одержимый некоей самоубийственной задачей, слил воедино то, что было доступно моему зрению, и то, что осталось за его пределами... Эти чудовищные вытянутые лица с горящими глазами, занимающими половину лица; эти пасти, полные тысяч черных зубов; эти тела с язвами в тех местах, где острые концы ребер прорывали кожу, – благодарение Создателя, что мне не довелось видеть всего этого, кроме как на бумаге, и что старческий бред, возможно, избавит меня со временем от этого тошнотворного зрелища, намертво застывшего в моей памяти.

Обезумев от ужаса, я бежал прочь из прежде столь желанного храма; бежал мимо отверстых, словно пасти, исполинских дверей, где в темноте мерцали глаза невидимых чудовищ; бежал мимо неизмеримо высоких стен, покрытых тайной вязью резьбы; бежал мимо жертвенников и выбеленных солнцем костей, проступивших теперь через песок с ужасной ясностью. Я бежал, а вслед мне, казалось, звучал ужасный смех, порожденный вековой тьмой, и чей-то хриплый и непостижимо страшный голос нашептывал в самое ухо: «Безумец, тебе не уйти, сколь бы ты ни хотел...»

С поспешностью я вскочил на коня, охваченного страхом в неменьшей степени, чем я, и, едва не оборвав удила, продолжил свое бегство уже верхом. Сложно судить, насколько оно было успешным, однако теперь, вынужденный брести через эти жуткие пески в одиночку, я искренне благодарен своему скакуну за то, что он столь долгое время нес меня на своей спине.

Солнце уже клонилось к закату, а я между тем, похоже, ни на йоту не приблизился к краю пустыни. Мои флаги с водой частью остались с остальными вещами, утопленными в волнах Райхлана, полных трупного яда, а частью были разбиты лошадьё при ее падении на раскаленные пески. На несколько часов я предался сомнительному спасению в виде воспоминаний о чередности событий, приведших меня к моему нынешнему плачевному положению, однако по прошествии этого времени силы рассудка, и без того ослабленного произошедшим прежде, покинули меня, предоставив смертоносной действительности. Жажда и голод донимали меня до невероятности. Прежде мне доводилось читать о том, что человек способен прожить около месяца без еды и около недели без воды, питаюсь лишь внутренними ресурсами организма, но эти заключения ученых были, похоже, неприменимы не то ко мне, не то к пустыне, в которой я находился. Это место, казалось, обладало некоей сверхъестественной способностью истощать душу и тело путника, осмелившегося ступить на раскаленный песок, теперь казавшийся мне алым из-за дымки разорвавшихся в глазных яблоках сосудов, что происходило, вероятно, от недосыпа и длительного контакта со жгучим светом неумолимого солнца, от которого мне было нечем защититься. В попытках дать отдых глазам, на которые я уже не мог вполне полагаться из-за жутких видений, посещавших меня с пугающей частотой, я попробовал идти вслепую, заменив воспаленные и неспособные закрыть веки обрывком плаща, который повязал вокруг головы. Однако это лишь усугубляло дело: в наступившей темноте ужасные чудовища, порожденные моим покаленным воображением, преследовали меня почти непрерывно, а ноги совершенно перестали меня слушаться, из-за чего я часто падал, обжигаясь при соприкосновении с песком. Кроме того, грубое сукно плаща раздражало нежную поверхность моих глаз, что порождало почти

невыносимый зуд, смешанный с болью. Совершенно вымотанный таким положением, я, в очередной раз упав и будучи не в силах подняться, принял решение снять повязку. Признаться, теперь я почти с сожалением задумывался об упущенной возможности исчезнуть навеки в зловонной пасти чудовищного божества, питающегося мертвечиной. В сравнении с моим нынешним состоянием, представлявшим медленное не то сгорание, не то гниение заживо, эта участь казалась мне едва ли не благословенной.

Надеясь на возможное облегчение, я, с трудом владея собственной рукой, приблизил иссеченные до крови пальцы к повязке – моему самодельному непреднамеренному орудью пытки – и с неимоверным усилием распустил узел, чуть было не лишивший, казалось, меня ногтей. Несколько секунд после этого я лежал, будучи не в силах поднять головы, хотя и страдал от жара, исходящего от мертвой почвы. Внезапно мой слух, лишенный всякой работы из-за царившей вокруг перманентной тишины, встревожило некое едва слышное заунывное пение. Начальные ноты его звучали где-то на границе слуха, но постепенно спектр аккордов расширялся, а к голосу добавилось звучание инструментов, в котором, впрочем, мало было от музыки – казалось, то были свист осеннего ветра, визг пилы да стук пустотелых костей. Эта пугающая какофония, составившая бы, вероятно, усладу для слуха какого-нибудь безумного культиста, поначалу показалась мне лишь новой формой галлюцинаций, душивших меня – теперь я уже не сомневался – в мой предсмертный час. Однако звуки не умолкали, становясь все более реальными. Казалось, я даже ощущал вибрацию, исходящую от бившихся друг о друга костей...

Преодолев боль и жар, я приподнялся на локтях, из последних сил посмотрев вверх, на неведомого певца и его музыкантов. До этого терзавший мой слух, он, видно, должен был теперь терзать и мое зрение: ужасная антропоморфная фигура его, облаченная в золотые одежды, представляла собой уродливое сочетание из сплошь прогнившей головы грифа с выеденными глазами и клювом, сочившимся тлетворным ядом, и человеческого скелета, чьи кости, убуленные песками, мрачно бренчали, повиснув над землей. За спиной этой твари, словно в насмешку над всем ее видом, болтались два перепончатых крыла, израненных цепями, впившимися в чешуйчатую плоть. Прочих музыкантов видно не было, и я не удивился бы, если бы узнал, что все звуки, издаваемые ими, были делом горла и тела чудовища, представшего передо мной.

Заметив, что я смотрю на него, певец прекратил свои завывания и обратился ко мне на наречии, сло-

ва которого прежде мне доводилось лишь читать на ощупь на черных стенах зловещего храма. С клетком и хрипом он пронзал воздух мрачной тирадой, и голова его, увенчанная блестящим колпаком, колебалась в такт обрывистым клочкам фраз. Этот чуждый язык был труден для восприятия моим утомленным рассудком, однако по какому-то неизъяснимому стечению обстоятельств я понял каждое слово говорившего.

– Я – дух пустыни Анохарад и хранитель Великой Обители богов Райхлана и Цхендера, – начал птицеголовый.

С пронзительным убеждением он поведал мне о древности этих песков и храма, чье спокойствие я посмел нарушить, о тайном значении жертвенников и дверей в бездонный мрак, которые я видел лишь мельком. Услышал я и о зловещих минаретах, напоминавших гигантских змей, и о тех, кому принадлежали все те кости, что усеяли песок подле храма... Наконец, когда я находился уже на самой границе смерти и готов был навеки успокоиться среди раскаленных песков, дух, словно исполнившись некоей силы, до этого недоступной ему, воззвал:

– Восстань, Смертный, чей разум завел своего владельца в пучину гибели, преисполнившись тайного знания. Отныне ты, слабый человек, станешь носителем воли великих Мертвых богов и будешь до скончания своих дней в смиренности и вере вершить деяния во славу Бессмертных и насыщать их благословенные чрева кровью и костями недостойных... Восстань! – возопил он, воздев руки к небу, казалось почерневшему, подобно угольям в потухшем костре.

Не в силах противиться неведомой воле существ, наделенных неизмеримым могуществом, я вдруг с удивительной легкостью поднялся на ноги, перестав чувствовать жар песков и неумолимого солнца. Оглядевшись кругом, я с удивлением обнаружил себя не в пустыне, но в цветущем саду: на месте смертоносных песков росли изумрудные травы, чьи нежные побеги были усыпаны удивительными цветами; там, где раньше чернели жалкие обломки высохшего кустарника, теперь сияла изобильными плодами тенистая роща, откуда доносились неведомо прекрасные музыка и пение; под ногами моими тек ручей, воды которого были чисты и холодны, а воздух вокруг наполнился неизъяснимо прекрасным благоуханием. Будучи на вершине блаженства, я узрел перед собой не чудовище, но мудрого старца, чьи благородные седины светились умом и благочестием. На устах его играла улыбка отца, принимающего в свою обитель блудного сына... С чувством великой благодарности я заключил старца в объятия, чувствуя себя избранным, погруженным в Рай, расцветший на земле. Я ощущал, что теперь, будучи наделен всеми окружающими меня благами, я должен творить полное добродетели дело в землях, которых сей земной Рай не достиг еще своим благонаправленным цветением, и привести как можно больше темных и невежественных душ в это царство Света и праведной Истины...

И, объятый силой творить добро, благословенный мудростью великого старца, я двинулся по дороге, усыпанной лепестками роз, вперед – к жестокому и исполненному смятения миру людей. Голову мою венчал благоухающий венок, сплетенный из ветвей верб и украшенный каплями драгоценного мирта... Лишь в глубине моего преисполненного чистотой сознания звучала надоедливый шепотом фраза, вычитанная, кажется, мною когда-то давным-давно: «И ступивший раз в тлетворные волны реки Райхлан более не покинет песков Анохарادا».

Варвара Кузнецова, 9 «А»

Дождю

Дождик с крыши капает,
Разбиваясь о мечты,
Струйкой щеку оцарапает,
Напоминая, кто же ты.

В уши музыка прольется,
Дождя звон не перекроет.
В сердце солнцем разольется
Былое детство, жеребья пруть.

Брови тучами насупив,
Люди рядышком проходят
И, свой взгляд они потупив,
Себе места не находят.

Прячутся от капель, жмутся,
Лишь бы не попасть воде.
Ины люди отмахнутся,
Позабыв вдруг о дожде.

Над домами проплывая,
Туча свои слезы льет,
Ясно всем понять давая:
Каждого она найдет.

В небе вод потоки вьются,
Отражаясь в витраже.
В небо каплям не вернуться,
Не воротятся уже.

Радуга

Знаем ли мы все цвета,
Что под неба куполом?
Не расскажут никогда,
Что в небе подслушано.

Те, кто был когда-то там,
На земле живут давно.
Принося цветы в палату,
Грустно ты глядишь в окно,

Потому что знают люди,
Где-то там, за синевой,
Те же, но живые в чуде,
Для которых ты – чужой.

Оторвутся от окна,
Их глаза в тебя заглянут.
Нет больше тебя, меня,
Буду я лишь упомянут

С надписью на книге старой
Или подписью холста.
Пастухом пройду с отарой
И от гор уйду туда,

Где будут тихо погружаться
В омут люди друг за другом,
В цвета призмы наряжаться,
Крыльями касаясь плуга,

Что работал так недавно
На лугу, бывшем зеленым.
На окне лежит зерно
С ростком, заново рожденным.

Провожай меня с вокзала.
Что же это, милый, слезы?
Или щеку оцарапал
Острый шип опавшей розы?

Дело ведь не в том, что скоро
Мы расстанемся надолго,
Дело в том, что этот город
Не рассмотрит больше толком

Моих глаз и этих рук,
Вечера ловивших в сети,
Не шагнет больше каблук,
Мы не вспыхнем на паркетe

В танце пылком и лихом,
Страстно голову не вскружишь...
Не забудь ты о былом.
Впредь иди, коль с этим сдюжишь!

Улыбнись и будь таков,
Смейся, я тебе сказала!
Я избавлю от оков
Этого вокзала...

Сломался

Зачем даны мне эти крылья?
Теперь в них нет нужды.
Смотри, уже покрылись пылью,
Не долететь мне до звезды.

Той самой звездочки, наверное,
И нет уже давно.
Узреть хочу ее свеченье
В свое открытое окно.

Мы будем далеко с тобой
И близко сразу так,
Вот я гляжу в свое окно –
И где же та Она?

Вот эта ли? Или вон та?
Ах нет! Ну где же?
Желал так в миг ее конца...
Нет ничего дороже,

Не будет больше никогда.
К тебе взлечу я налегке.
Ведь ты моя! Моя звезда!
И мысль скользнула о клинке.

Сверкнула молния, и ляг
Раздался в синей тишине.
Разрезал воздух злой зигзаг,
Прибыл я ко своей звезде.

Сфера

Думала, что не заплачу,
Посмотрев в стеклянню-мутные глаза.
Как может смерть такую дать задачу?
Глаза закрываю, и катится слеза.

По комнате слоняюсь, в шарах стекла маячу.
В той мертвой тишине слух подвергся
ультразвуку,
В глазах стеклянных блики, вижу светоотдачу,
И не можешь ответить стуком пульса стуку,
что в голове так ясно раздается.

Сердце не готово к такому трюку.
Тень, прошу, убери от нее руку.
На голову железобетон рушится,
Еще раз дыхание нарушится.

Зря говорила, что не заплачу!
Оборотом таким контужена.
Надо было найти отдушину,
Вряд ли боль под маской спрячу.

Кровь капает и разбивается
На стеклянных осколках тысячу.
Все чувства во мне уже не помещаются,
Жизнь и смерть пересеклись биссектрисами.

Мысли в голове не могли остановиться,
Ждать освобождения могу лет хоть тридцать.
А в отражении опять мутноватое стекло,
И голос знакомый скажет:
«Время истекло».

Во граде

Во граде,
Где всё атланты держат,
Есть сад в оgrade.
Статуи там все мирно спят,
Фонтанов струи в том саде за оградой
О камни весело звенят.

Там в глубине услышишь
Сердца бронзового стук:
То девушка, кувшин свой выронив из рук,
О сем вздохнула глубоко –
Собрать осколки будет нелегко.

Теперь в саду печально ты сидишь,
И, на осколки бронзы не взирая,
На мир внимания не обращая,
Куда-то в мыслях ты задумчиво глядишь.

А вдруг в кувшине том
Вся жизнь твоя была заключена,
И не вдохнешь ты летний воздух,
Пропитанный цветочным ароматом.
Теперь томиться здесь обречена
На веки вечные она.

Где нет тебя...

Наши веселые вечера перед сном
Так хороши и милы,
Но не хватает тебя в душе,
Как за окном звезды.

Где-то льется на лица свет,
Пахнут травой аллеи,
А тебя рядом все нет,
На улице слезы сгорели.

Были дни у нас с тобой,
Когда танцевали и пели
Трубы железные над головой
Стройней и звучней свирели.

И били по ним капли дождя,
А мы все смеялись и пели,
Пока травы под нами с тобою двумя
Совсем от любви не сгорели.

Тогда мы собрали тот пепел в ладони –
А он пах счастьем и мятой –
На фиолетово-синем склоне,
С рукой в руке зажатой.

Схватились вместе сердца и души,
Сквозь них сочились капли
И падали на ландыши,
Что той весной яблби.

И вот сгорели ландыши,
Те сердце и душа
Тех, что звали мутантами,
Не видел их глаза.

Григорий Кузьмичев, 10 «А»

Во благо Псов Огня

Локен ворвался в шатер вожака словно серый смерч. Его глаза пылали яростью, а голос не предвещал ничего хорошего.

– Кадел! – рыкнул вновь зашедший. – Позволь поинтересоваться, что у нас делают послы племени Черных Когтей и почему они говорят о том, что наш вождь пробил голову их предводителю?!

Кадел, будучи оборотнем, обладал чрезвычайно атлетичным телосложением, что отразилось на отношении к нему прекрасного пола. А будучи вождем, он мог позволить себе целый гарем из девушек различного происхождения. Вот и сейчас гнев Локена застал Кадела за страстным поцелуем с прехорошенькой бронеткой. С трудом оторвавшись, она посмотрела на злохмаченного мужчину, так бесцеремонно прервавшего ее уединение с вожаком, а потом перевела взгляд на своего любовника. Последний кивнул головой на выход: «Ступай».

После того как бронетка ушла, Локен вновь накинута на вождя:

– Так это правда? Ты и впрямь чуть не убил вожака Черных Когтей?

– Ага, – беспечно ответил Кадел, раскинувшись на своем шикарном троне из черного дуба.

– О чем ты думал?! – взвыл Локен. – Ты понимаешь, что мы окончательно разрушили отношения с Когтями и теперь нас ненавидит еще одно племя?

– Мне было нанесено оскорбление – я на него ответил, – спокойно отпарировал вождь.

– Ответил? Что это должно быть за оскорбление, чтобы убивать, пожалуй, единственного нашего союзника на десятки километров в округе?

– Меня называли слабаком. Как вождь Псов Огня я не мог допустить к себе такого отношения.

– Слабаком?! И ради такой мелочи стоило жертвовать союзом?

– Это не мелочь.

Глубоко вздохнув, Локен рухнул на тюфяк у края шатра и спросил:

– Когда ты успел так измениться, Кадел? Когда ты стал таким безответственным и бессердечным? Оглянись вокруг. Твое племя страдает. Условия жиз-

ни ужасны. Твоим оборотням нечего есть, шаманы больше не слышат духов, и теперь у нас нет ни одного союзника. А ты предаешься развлечениям и утехам?

– Я – вождь, мое слово – закон. Пока никто не бросил мне вызов, и я до сих пор являюсь вашим предводителем. И твоим в том числе, Локен, – чуть более злобно, чем обычно, процедил Кадел.

– Конечно, конечно. Но тебя таковым никто не считает. Почти никто. Я помню и знаю, каким ты был и каким можешь быть.

– Только не начинай вновь заводить эту песню, – вождь уже не скрывал свою злобу и то, что разговор ему совсем не нравится.

– Именно эту песню я и заведу, – сказал Локен с нотками грусти в голосе. – Я помню, как мы встретились. Тебе было всего десять, но ты уже был вожаком. Благородным. Смелым. Заботливым. Тебя уважали именно за то, что ты находил подход ко всем и помогал любому, кто нуждался в этом. В том числе и мне, Локену-Отбросу. Ты был моим единственным другом, Волчонок, – прибегнул оборотень к детскому прозвищу вожака, которое знали только они.

– Заткнись! – взревел Кадел. – Заткнись и не называй меня так! Без меня ты был бы никем! И не тебе меня судить, метис!

Для Локена это был удар ниже пояса. Метисами среди оборотней называли изгоев и уродов. И самое неприятное заключалось в том, что это была правда. Локен действительно был своего рода инвалидом. Его фиолетовые зрачки, которые уже являлись в некотором смысле уродством, не способны были сужаться, из-за чего днем, особенно солнечным, он оставался незащитным. Но стоит отдать должное, удар Локен выдержал холодно и достойно:

– Хорошо. Ты не помнишь прошлого, но как вождь ты должен знать наши законы. Властвуя так, как сейчас, ты не уважаешь того, что создала Гея. Ты пойдешь против самого мироздания?

– А кто-нибудь когда-нибудь видел Гею? – яростно выпалил Кадел. – С чего вы все взяли, что законы придумала Мать-Природа, а не старый оборотень по своей прихоти? Что хорошего в этих якобы уставах, если они нарушаются всеми, а Природа все равно глуха к нам? Есть ли смысл чтить их? Лично я его не вижу.

Вот такого ответа Локен уже не смог вынести. Он медленно встал, побрел в сторону выхода и уже там обернулся и произнес перед тем, как выйти:

– Да, верно мне говорили, что власть возвращает даже самых святых.

Кадел понял, что зря он решил поспать сегодня один, когда почувствовал у своего горла острый коготь. Открыв глаза, он обнаружил, что вокруг его ложа стоят пять оборотней в обличье людей с головами и лапами волков и еще один угрожал в любой момент перерезать ему глотку. Лица, а вернее, морды всех присутствовавших были закрыты капюшонами. Один из них начал говорить:

– Думаю, что мы можем договориться. Как тебе известно, многих не устраивает твоя власть и далеко не все считают тебя вожаком. Мы решили исполнить волю большинства. И мы решили дать тебе выбор. Первый вариант: ты уходишь из племени навсегда, становишься одиночкой и никогда не пытаешься получить власть вновь. Об исходе второго варианта ты, думаю, догадываешься.

– Догадываюсь, – прохрипел Кадел. – Завтра же и соберусь.

– Нет, не завтра, – сказал другой оборотень. – Сегодня. Прямо сейчас. Без вещей. Таково твое наказание.

– За что? – ответил бывший вождь с почти нескрываемым страхом. – Почему именно так и сейчас?

– Потому что так больше нельзя, – отозвался третий оборотень, от чьего голоса Кадел содрогнулся. – Все ради блага Псов Огня, Волчонок.

Когда Кадел покидал поселение, бунтари переговаривались в его шатре:

– Нельзя просто так его оставлять. Зная его, могу однозначно заверить, что он попытается вернуть свой статус, – произнес низким голосом оборотень с ножом.

– Да, и я знаю, как решить эту проблему, – ответил лидер восстания Тарис, забрал нож и протянул Локену. – Отправляйся за ним и прикончи его.

– Я? – ошарашенно выдавил Локен. – Почему? Мы договаривались только о его изгнании. Конечно, Кадел натворил дел, но не настолько, чтобы убивать его.

– Мой дорогой друг, – дружелюбно оскалился Тарис, – наш бывший вождь найдет способ, как сделать так, чтобы все его враги пожалели о том, что оставили ему жизнь. Он прикончит нас всех, Локен. И ему будет плевать, что кто-то там дружил с ним, когда ему было десять. Ты станешь его политическим противником.

– Нет, – тихо ответил Локен. – Я не готов пойти на это. Он такого не заслуживает. Даже за свои проступки.

– Что ж, – посмотрел на него сверху вниз Тарис, – значит, ты выбрал смерть.

Лидер группы кивнул одному из оборотней. Тот молнией подбежал к Локену, сложил пальцы и со всей силы проткнул стальными когтями грудь посмеявшегося возразить. Дыхание Локена сбилось. Убийца вынул руку, хищно улыбнулся и ударил кулаком в челюсть. Умирающий рухнул на землю, захлебываясь в собственной крови.

Тарис повернулся к убийце и протянул ему нож:

– Ты знаешь, что делать, Косс. Конечно, можешь справиться своими силами, но ножом будет надежнее.

– Да, мой вождь, – полулаем ответил Косс и выбежал из шатра.

За ним ушли и остальные бунтари. И никто не услышал, как в последние мгновения своей жизни Локен прошептал: «Прости, Кадел. Прости, брат...»

Маргарита Мужина, 9 «А»

Раз, два, три...

Спичка зажигается в пустой комнате со слоями разных обоев на бетонных стенах. Я сижу на коричневом стуле из советской библиотеки, с отваливающимися кусками лака и поломанной спинкой.

Больше мебели нет. В углу валяются какие-то тряпки и подшивки потрепанных журналов. Я поджигаю ноги, чтобы не касаться пыльного пола. Рваные лоскуты линолеума залиты краской или просто неведомой жидкостью, похожей на смолу. Может, бросить спичку и проверить, горит ли она?

Окна плотно заткнуты картоном и металлическими листами. Грабители ни при чем, просто кто-то не хотел посторонних глаз в этом месте. Судя по всему, он этого добился. Здесь, наверное, не было никого лет пятнадцать-двадцать.

Я помню это место совсем другим.

Раз...

Пламя дергается и потухает, оставляя серую вьющуюся струйку. Дед берет меня на руки и подбрасывает почти к потолку, рядом со звенящей тысячей кристалликов люстры. Он кладет спички и портигар в ящик стола, отчитывая меня за шkodливость, но у него совсем не получается. Тогда он бросает неудобное занятие и достает из кармана золотую монетку:

– Это эскудо – старинная испанская монета. Прямо с пиратского корабля.

– Правда с пиратского, дед?

– Конечно, тысяча чертей (изображать пиратский язык у деда получалось лучше всех). Мы нашли их у берегов Мадейры, и теперь она твоя.

Я беру в ладошку блестящую монету, и квартира деда начинает обрастать лианами, а чайник закипать звуком морских

волн. Он много лет работал археологом и уходил иногда в полугодовые экспедиции, оставляя бабушку вести домашние дела. После того как бабушки не стало, дед ушел на пенсию и вернулся к очагу.

Наверное, поэтому квартира его всегда была для меня сродни космическому кораблю. На низкой (под рост бабушки) книжной полке ютились журналы с выкройками и старинные путевые карты, скрученные в рулоны. За стеклом венгерской стенки вместо бабушкиного хрустала, не принятого дедом, ржавели какие-то кортики времен испанских галеонов, россыпи монет и даже пыльные камни, которые дед умудрялся как-то умыкнуть. Он настолько привык к пыли, что и в квартире редко было убрано. Иногда, когда приходила моя мать, она в ужасе проводила пальцем по подоконнику.

На балконе, где дед часами курил трубку из слоновой кости, лежали и банки с соленьями, и амфоры с эллинским песком, и какие-то диковинные наряды, купленные дедом и ни разу не надетые бабушкой. После табака приходилось проветривать, тогда люстра звенела, и дед, сидя в своем любимом кожаном кресле, смеялся и рассказывал о том, как они отмечали свои находки.

Два...

Мне было пятнадцать, когда у деда нашли рак легких и мы с мамой на какое-то время переехали в его квартиру. Это было тяжелое время. Дед по ночам кашлял так, что люстра вздрагивала, а на ковре, висевшем у кровати, утром можно было увидеть маленькие капельки засохшей крови.

Пыли больше не было. Мать мыла полы каждый день, доводя подоконники до стерильного блеска. Камни были выброшены, а их место заняли склянки и флаконы с лекарствами.

Дед умер ночью. Мы поняли это, проспав до одиннадцати впервые после переезда. Теперь квартира напоминала нам ископаемое, которое отполировали

со всех сторон и оно сразу потеряло всякую историческую ценность. Мать возненавидела это место почти за год ухода за дедом и просто из-за постоянных воспоминаний о родителях, которые выжимали из уставших глаз последнюю жидкость.

Я не мог сопротивляться, и мы продали квартиру тем же летом. Мы просто вычеркнули это место из памяти, оставив себе пару дедовых монет, дорогих находок и небольшой кулек с бабушкиными украшениями. Жили мы на другом конце города, что быстро стерло из головы даже адрес.

Слышал только, что новые хозяева то ли сдали, то ли продали ее через некоторое время.

Три...

В нашем городе проходит глобальная программа по сносу ветхого жилья. Дома расселяют, жильцам дают квартиры в новостройках.

Я руковожу 8-й бригадой крановщиков эксплуатационного отделения. Сегодня на утренней планерке я услышал знакомый адрес. Это случается часто, потому что сносим в основном те дома, в которые сами частенько ходили. Здесь пил с ребятами, здесь к девчонке бегал, тут друга в армию провожал.

Но только когда подъехали с рабочими на объект, что-то лопнуло и задрожали с детства знакомые кристаллики.

– Парни, давай, перекур.

Я летел по ступеням на пятый этаж, закрывая лицо носовым платком. Какая-то картонная дверь (совсем не та, что мы ставили с бабушкой) почти слетела с петель от моего тычка.

– Дед, баб, привет. Это я... Я пришел.

Спичка падает и потухает, оставляя серую вьющуюся струйку. Я думал, что детство кончается гораздо раньше.

– Парни, извините, надо было кое-что посмотреть. Давайте за работу.

В руке я сжимаю маленькую золотую монетку.

и реализмом. Гаврила, крепкий парень с «добродушным», незамутненным, «ребяческим» взглядом, сразу же посмотрел на совершенным рабом, прикованным к своему хозяйству, рядом с бродягой Челкашом, которого он готов признать хозяином еще до того, как дает согласие работать на него. Он чувствует в этом оборванце силу и авторитет, которым бессознательно подчиняется. Кроме того, мировоззрение Гаврилы ограничено суеверными страхами и разного рода предубеждениями: в Турцию он не поехал бы, потому что «кто ж это туда ходит из православных», на море ему «боязно», а свет фонаря кажется чуть ли не оком дьявола. Зависимость от суеверий на протяжении всего рассказа борется в нем с другой зависимостью – страстью к деньгам. Он готов убить за «радушные бумажки» – и страх «погубить душу», как бы ни был велик, оказывается, зависит от «корысти»: за две сотни риск, пожалуй, и оправдан. Совсем иное – Челкаш. Вор, кажется, действительно свободен: он не прикован к земле с тех пор, как ушел из деревни, не связан семейными или дружескими узами; он уходит тогда, когда «наговорится вдоволь»; его не волнуют такие мелочи, как поиски вора «флотскими»; а местное «начальство» и вовсе не властно над ним, как бы ни старалось нагонять страху. И по духу он истинный романтик: ему близко море – в «бескрайней, свободной, мощной» стихии он видит себя «лучшим», более свободным, более чистым человеком. Он дорожит представлением о своей независимости...

Настолько дорожит, что слова Гаврилы о том, что и он любит вольную жизнь, вызывают у вора досаду, презрение, отторжение? «Всегда неприятно видеть, что человек, которого ты считаешь хуже и ниже себя, любит то же, что и ты, и становится похож на тебя», – объясняет Горький. Челкаш боится сравнения себя, вольного «тертого волка», с «младеньким теленком» Гаврилой – не потому ли, что страшится сходства, существование которого чувствует в глубине души? Однажды он выдает себя: забывшись, говорит о свободе жизни крестьянина на своем клочке земли. Опомившись, он ни за что ругает Гаврилу – но сказанного не воротит. Челкаша тяготит и собственная неприкаянность, всегда сопровождающая свободу, и ненужность – недаром так опьяняет ощущение власти над жизнью «попавшего в его волчьих лапы» парня, недаром так задевает его гордость брошенная Гаврилой фраза о том, что «за таких людей никто не взыщет». Челкаш не зависит от урожая – но ему так же нужны деньги. И количество «улова» определяет не провидение, не высшие силы: «улов», сделанный чужими руками, чужими же руками и положенный туда, откуда его забирает ловкий вор, после тщательного взвешивается людьми, говорящими на «сюсюкающем языке», которые по своему усмотрению отсчитывают деньги за награбленное добро. Да, Челкаш смеется в лицо сторожу у ворот пристани – но не потому ли, что того требуют его самолюбие и гордыня, не удовлетворенные бессмысленным бродяжничеством? Он, конечно, хотел бы быть истинным романтиком – но он не в состоянии им быть, и в этом драматизм его судьбы.

Однако значит ли это, что романтическая линия рассказа – в одних только завораживающих пейзажах и колорите?

Обращаясь снова к тексту, трудно не заметить интересную композиционную деталь: рассказ, состоящий из трех глав, предваряется своеобразным вступлением – зарисовкой гавани. Здесь читателю открываются другие конфликты; это противостояние трех сил, стихий – Природы, Человечества и Цивилизации. И они также герои рассказа – в другой, более широкой плоскости; они не бездушны, хотя и безлики, бесформенны и безымянны. Природа противопоставляется Цивилизации, Цивилизация – Человечеству и, наконец, Человечество – Природе. Первые два конфликта закладываются во вступительном фрагменте и разрешаются в нем же, в дальнейшем лишь подтверждаясь и дополняясь. В то же время последнее противостояние, обозначившись во вступлении, разрешается только на последней странице рассказа.

Человечество – люди, снующие по площади; их «пыльные, оборванные, юркие» фигурки кажутся комично мелкими, слабыми, ничтожными перед Цивилизацией – «тяжелыми гигантами-пароходами», стальными колоссами-машинами. Человечество поработано своими порождениями – но и Цивилизация не свободна. Она не существовала бы без своего создателя – Человека – и не может жить без его крови, без усилий его мускулов. Цивилизация не может спорить и с Природой: заглушая на день ропот волн своим рокотом и громыханием, она бессильна ночью, когда спят те, кто двигают ее. Только одинокий «огненно-голубой» луч фонаря на таможенном судне потревожит глубину морских вод – но это станет мгновением в жизни вечной стихии. Да, она загрязнена людьми, посчитавшими ее своей мастерской; Человек заглушил ее ревом машин, Человек выкинул в ее волны свой хлам – но как же «тихо, ясно, славно» станет в мире, где

не будет гомона базаров и притонов, скрипа шестеренок и неумолкающего рокота моторов.

И хотя Человечество – не только люди с пристани, хотя Челкаш и Гаврила – тоже его представители, исхода конфликта это не меняет. Напротив, финальная сцена – сцена, показывающая победу жадности над совестью и гордыни над человеколюбием, – внушает ужас и отвращение. Она лишь доказывает простую истину: человек бессильен перед бесстрастной, неумолимой стихией. Вода смыла кровь, смыла следы преступления и неискреннего раскаяния, как смывала их уже бесчисленное количество раз и как смоем еще столько же до конца самого времени.

Обладает ли стихия своей волей? Быть может, нет; но, как бы то ни было, она – единственное, что может быть истинно свободным. Для читателя-романтика она будет идеалом, для читателя-реалиста – частью мира, окружающего героев. Для Горького ответ не был однозначен – и такое сочетание несочетаемых явлений по настоящему восхищает.

Кого из героев рассказа «Челкаш» Максима Горького можно назвать по-настоящему свободным?

В рассказе «Челкаш» Максима Горького, как и во многих произведениях автора, романтические мотивы тесно переплетены с реалистическими. Такое сочетание придает особый колорит авторскому стилю и обогащает произведения новыми смыслами. Так, тема свободы, раскрытая с характерными для романтизма акцентами, звучит по-новому в реалистической обстановке. Иначе представляется и романтический идеал – образ совершенно свободного существа.

В истории о Челкаше, «ловком и смелом воре», яснее всего раскрывается конфликт между двумя героями – самим Челкашом и крестьянским парнем Гаврилой. На первый взгляд, это конфликт между абсолютной свободой и абсолютным подчинением, между романтиком и филистером, в широком смысле – между романтизмом

Тайсия Размахнина,
11 «А»

Варвара Сапунова, 9 «А»

Роза

Ты очнулась, лежа на холодной сырой земле. Немного поморщившись от света, села. Сухие листья под ногами стали издавать раздражающие шуршащие звуки. Вокруг все было таким необычным. Оглядевшись, ты поняла, что находишься где-то посреди лесной чащи. Но какой чащи? И что вообще произошло? Мозг никак не хотел осознать, как ты тут оказалась и вообще кто ты. «Где я?» – звучало в голове, рождая уверенность, что вокруг никого нет и помощи ждать не от кого.

– Посреди леса, – ответил чей-то спокойный голос из-за спины.

От неожиданности ты резко вскочила на ноги и повернулась. Но этот ответ был слишком очевидным и совсем не таким, который тебе хотелось получить.

– Я прекрасно понимаю, что мы в лесу, – ты начинала злиться то ли от безысходности и непонимания происходящего, то ли от невозмутимого лица человека, абсолютно спокойно стоящего перед тобой.

– Как тебя зовут? – все так же спокойно и монотонно спросил человек, сделав небольшой шаг навстречу.

– НЕ ЗНАЮ! Не знаю... – тебе нужно было повторить эту фразу несколько раз подряд, чтобы полностью осознать сказанное. – Я не помню своего имени...

Эта мысль ужасала. «Как такое возможно? Почему я не помню такой элементарной вещи, как собственное имя?» Чем больше у тебя появлялось вопросов, тем больше они вгоняли в панику.

– Это нормально, – после небольшой паузы начал говорить человек, – память возвращается постепенно.

– Вы говорите так, будто я... – подступивший к горлу комочек и нахлынувшие слезы не дали закончить фразу.

– Какая смышленная, – на лице незнакомца наконец появился намек на улыбку, хоть и лукавую. Но тут же лицо человека стало невозмутимым, и, переведя взгляд на тебя, он продолжил: – ... умерла. Может, у тебя получится вспомнить как?

– Я... я... я... – мысль о собственной смерти не давала тебе сконцентрироваться.

Вдруг в голове всплыли неточные, размытые воспоминания. Громкий, пронзительный звук, который как будто становился все ближе и ближе. И яркий свет.

Настолько яркий, что невозможно было открыть глаза. А потом все резко прекратилось. Все потемнело, звук стал утихать. Но совсем тихо не стало. К пронзительному звуку начали добавляться крики, топот и звуки сирен. А потом все оборвалось.

– Я... я... я ничего не понимаю, – жуткие мысли не давали осознать, что произошло. Они, как лампочки, на секунду загорались и тут же погасали, не давая ухватиться за них.

– Давай я подскажу. Тебя сбита машина, – с полным равнодушием произнес человек.

– Теперь ясно, откуда в моей голове были звуки и яркий свет. Это гудки и фары.

Только сейчас ты поняла, что ни слова не произнесла вслух. Незнакомец – явно непростой человек, раз он так спокойно говорит о твоей смерти. Может, он просто плод твоей фантазии? Люди ведь не умеют читать мысли, верно? Ты подняла глаза, ожидая ответа. Он широко улыбнулся, подошел ближе. Внезапно ты поняла, что это молодая девушка с невероятно красивыми голубыми глазами и короткой стрижкой. Черные брюки, белая рубашка, небрежно заправленная в штаны, и грубые ботинки – вот почему сначала она показалась парнем.

– Ты права, – с одобрением в голосе произнесла девушка, – я не человек, но и не плод твоей фантазии. Я ангел, помогающий мертвым найти свой дальнейший путь. Пойдем со мной, и все станет понятно. Шагнув вперед, она протянула руку.

– А если я не пойду? – с недоверием произнесла ты, шагнув назад. Сомнения все еще терзали. Оставалась надежда, что это дурной сон.

– Можешь остаться здесь. Твоя душа без моей помощи просто застрянет в этом лесу навсегда.

Слово «навсегда» прозвучало довольно угрожающе, так что ты машинально протянула девушке руку. Тут же по коже пошли мурашки. Прикосновение не ощущалось. Это испугало. И еще больше подкрепило мысль, что это сон.

– Я же говорю, я не человек, – с легким напором сказала девушка. Казалось, будто она считает тебя глупой, раз ей приходится все повторять.

Вы направились вглубь леса. Ангел не оборачивался, а просто шел вперед. Девушка двигалась с таким упорством и уверенностью, будто ходит этими тропами каждый день на протяжении многих лет. В твоей голове все еще крутились вопросы. Вдруг ты резко остановилась и выдернула руку.

– Где моя роза? Что с ней?

– Вот видишь, память возвращается. Не могла бы ты мне немного подробнее рассказать про свою розу? Я не очень понимаю, о ком идет речь, – произнес ангел, впервые остановившись за время дороги.

– Моя подруга, – немного засмутившись, сказала ты, – знаете, она у меня очень хрупкая и слабая, как цветочек. Невероятно красивая и нежная, как самая удивительная и пышная роза во вселенной. С виду она стойкая, но, если сильно надавить, это навредит ей. У нее есть шипы, но, если сжать стебель в руке, они, вонзившись в кожу, не причинят тебе никакого вреда, а стебель просто сломается. Это убьет цветок. Поэтому розу нужно защищать. Кто же это будет делать, если я умерла?

– Теперь понимаю. Твоя роза сильная и справится, – немного погодя добавил ангел. Она отвернулась и продолжила путь сквозь ветки.

– Мне можно будет ее увидеть? – прозвучал твой робкий вопрос.

– Возможно, – не поворачиваясь, ответил ангел.

В твоей голове появился четкий образ розы, ее невероятная красота, нежный смех и теплые объятия. Слезы сами текли по твоим холодным щекам, а ноги, не подчиняясь разуму, шли вслед за ангелом.

Когда ты опомнилась, вы уже стояли на дороге, заваленной разноцветными листьями.

– Где мы?

– Это мне нужно спрашивать, – с загадочной улыбкой сказала девушка.

И только сейчас тебе стало понятно, что это за место. Это деревня бабушки и дедушки. А вон вдалеке и их старый домик. По этой дороге вы часто гуляли с подругами, когда были маленькими. Ноги сами несли к дому, с каждым шагом прибавляя скорости. Ангел лишь улыбнулся и, чуть отставая, направился за тобой. Ты подбежала к калитке и, немного отдышавшись, все-таки решилась открыть ее. К ногам бросился радостный пес Митч. Лохматый и счастливый... Он умер, когда тебе было десять. В голове сразу всплыли счастливые воспоминания, как вы вместе изучали окрестности и бегали по полям. В дверном проеме появилась бабушка.

– Внученька! – одновременно и радостно, и растерянно воскликнула она.

Обняв бабушку, ты опять не почувствовала прикосновения.

– Солнышко! – воскликнул дедушка, – нам очень жаль, что наша встреча произошла так рано. Мы надеялись, что ты проживешь долгую и счастливую жизнь.

После этих слов в твоей голове всплыла лишь одна цифра... 27... Тебе было 27 лет.

– Вы ее сопровождаете? – задала вопрос бабушка, глядя куда-то за твою спину.

Ты совсем забыла, что пришла не одна.

– Да, – последовал короткий, но предельно ясный ответ.

– Она уже решила, куда пойдет? – спросила бабушка.

– Думаю, это очевидно. Мы будем рады любому твоему решению, – с улыбкой произнес дедушка.

– Что я решила? – с непониманием и растерянностью спросила ты, обернувшись к ангелу.

– Выбирай, можешь остаться здесь, со своими умершими родственниками. Или можешь стать такой, как я, – с легкой ухмылкой произнес ангел.

– Но что значит – такой, как вы?

– Будешь помогать заблудшим умершим душам, но, если захочешь, сможешь вернуться сюда в любой момент.

– А если я пойду с вами, смогу ли увидеть розу? – все так же растерянно спросила ты, обернувшись к бабушке с дедушкой.

– Возможно, – лукаво улыбнувшись, произнес ангел.

– Хочу стать такой, как вы. Простите, бабуль, дедуль, я обязательно вернусь, – сделала ты свой выбор.

– Не волнуйся, внучка, все хорошо, – прошептала бабушка, – ты молодая и энергичная. Ни к чему сидеть тут с нами!

– К тому же, наверное, роза скучает, – добавил дедушка.

– Очень, – еще ни в чем ты не была так уверена, как в том, что вы очень нужны друг другу.

– Хочешь пирожок? – спросила бабушка. Но по ее улыбке было понятно, что, даже если ты сейчас откажешься, пирожок все равно получишь. Да и отказываться было глупо, поэтому ты лишь многозначительно кивнула.

– С вишней, как ты любишь! – бабушка положила на ладонь до боли знакомый квадратик из теста.

Обняв бабушку и дедушку, ты направились вслед за ангелом, на ходу положив в рот пирожок. Лишь прожевав до конца, поняла, что не почувствовала вкуса.

– Почему я ничего не чувствую? – с напором обратилась ты к девушке.

– Все просто. Твоя душа жива, но тело умерло. Именно тело чувствовало вкус, запах, дуновение ветра, слы-

шало и могло почувствовать прикосновение. Оно умерло, а значит, утратило свои способности. Ты не можешь ощущать.

– Но почему я тогда все еще чувствую грусть, скуучаю по родителям и розе?

– Потому что за эти чувства отвечает твоя душа, глупышка. Твоя душа жива, – широко улыбаясь, сказал ангел. Пойдем, нам нужно спешить.

Не задавая больше лишних вопросов, ты направилась вслед за девушкой по дороге к полю. Раньше вы часто гуляли тут с подругами. Это место ничуть не изменилось с тех пор, но сейчас все казалось мертвым и неподвижным. Птицы не летали, ветки деревьев и листья не колыхались на ветру. Все как будто замерло, остановилось. Ты рассматривала пейзаж, когда внимание привлекло что-то странное, совсем не вписывающееся в окружающую среду. Белая материя просто висела в воздухе. Девушка тоже остановилась и пристально, с улыбкой посмотрела на тебя.

– Что это? – последовал твой закономерный вопрос.

– Это... – помедлил ангел, – узнай! Проверь, что это. Если осмелишься, конечно.

Дмитрий Трубчик, 9 «А»

*Я опять стою у переулочка, любясь на твоё окно.
Не состоится сегодня прогулка, ведь ты опять занята.*

А я все жду за переулочком, чтоб хотя бы увидеть тебя.

Я часто выставлял себя придурком, прости, если я был неправ.

Давай, как в детстве, поиграем в жмурки, но ты опять сегодня занята.

Что-то пошло не так, ты, видимо, остыла.

Скуучаю по тем временам, вот это время было.

Не желая этого, ты опять мое сердце разбила.

А я все жду прогулки, но ты опять сегодня занята.

Пустая трата времени на твои похоти.

Прошу, ты от меня только не уходи.

А если ты уйдешь, то жить я перестану:

Эта фраза звучала как вызов. Любопытство взяло верх, и без раздумий твое тело как будто само ринулось вниз по склону, аккуратно огибая кусты, навстречу неизвестности. В этот момент ты опустила невероятный прилив сил и эйфорию. Слезы радости стекали по щекам и уносились вдаль. В голове всплыл образ ангела, который, вероятно, все так же неподвижно стоял на том склоне. На секунду показалось, что ты уже где-то видела раньше эту девушку, уж слишком запоминающееся у нее было лицо. Но где и при каких обстоятельствах вы виделись, вспомнить не могла.

Когда непонятная материя была совсем рядом, твоя рука сама дотронулась до нее, все тело обдало жаром. В мозг врезались многочисленные звуки, внутри все горело, мир как будто засиял красками, а во рту пересохло. Вдруг в голове появилась мысль... Это была самая счастливая и самая простая мысль в жизни! Она настолько радовала, что ты улыбнулась и закричала что было сил:

– МЕНЯ ЗОВУТ ЛИЛИ!

Как вдруг звук стих, и все исчезло. Ангел продолжил стоять на холме. Только выражение лица уже не было невозмутимым. Губы дрожали, бровь слегка дергалась. Девушка заплакала и тихо произнесла:

– А ты ведь даже не помнишь, кто я...

*Не будет каждая минута жизни столь желанна.
Сидим на задней парте на уроке математики,
Рисуешь ты сердечки, я же квадратики.
Вдруг вызвали меня к доске – я не готов.
Впрочем, какая разница, ведь сегодня пятница.
А я все жду за переулочком, чтоб хотя бы увидеть тебя.*

Давай мы просто насладимся этим днем.

На завтра кучу задали, пффф, сделаю потом.

Пусть солнце завтра снова встанет, пусть вновь увижу я тебя.

А я все жду за переулочком, но ты опять сегодня занята.

Ах, твоя улыбка, твой цвет глаз голубенький.

Прости меня, ведь где-то был я глупенький...

Хотел бы извиниться, но ты бы не так поняла.

А я все жду за переулочком, чтоб хотя бы увидеть тебя.

Ты где была? – Прости, были дела.

А я все жду прогулки, но ты опять сегодня занята.

Надеваю ранец, иду в школу каждый день с утра.

Не нужен кофе, мне не хватает лишь тебя.

Когда ты рядом – я бодр как огурчик,

Стоит тебе уйти – я снова Дима Трубчик.

Я строил из себя придурка, но это была не игра.

Хотел бы извиниться, но ты все равно бы не так поняла.

Последний уголек души сожгла ты вновь дотла.

А я все жду у переулочка, чтоб хотя бы увидеть тебя.

И я тебя дождался, но ты идешь не одна.

Ах да, прости, у тебя же дела.

А я все жду прогулки, но ты опять сегодня занята...

Кристина Фадекова, 10 «А»

Сахарок

В картонной коробке жил маленький кусочек сахара. Он располагался там не один, вместе с ним аккуратно бок о бок лежали его братья – беленькие квадратные кусочки сахара. Нашему сахарку было скучно лежать в коробке. Он страстно мечтал узнать, что творится в мире за стенами его обители. Сахарок завидовал своим братьям-близнецам, которые периодически покидали коробку и больше не возвращались. «Счастливец, – думал сахарок, – они, наверное, отправились в интересное путешествие».

И вот однажды серебряная чайная ложка подхватила сахарок и вытащила его из коробки. Сахарок обрадовался. Наконец-то такая знатная особа обратила на него внимание и вызволила его из заточения! Ложка пронесла сахарок через всю комнату, и он представил себя покорителем космоса, но его полет длился недолго. Ложка опустила сахарок в стакан с чаем. Тогда он решил, что ему предстоит увлекательное водное путешествие. От этих мыслей он так разволновался и так расчувствовался, что начал таять. Последние слова, которые услышал наш путешественник: «Какой сладкий чай!»

Про муху

Муха была очень большой и важной. То ли от переполнявшей ее значимости, то ли оттого, что она плотно пообедала на своей любимой помойке, муха тяжело и медленно влетела через открытую форточку в комнату и сразу же расположилась на нагретом солнцем подоконнике. Ее охватило блаженное дремотное состояние. Муха считала себя не только самой умной, но и очень красивой. Действительно, ее золотисто-зеленый цвет вызывал у простых и светливых мух нескрываемую зависть. Когда муха поднимала свое могучее тело в воздух, то казалось, что в небо взлетел огромный многомоторный самолет. Даже целый рой обычных мух не мог создать такой шум, который издавала одна большая муха. Муха наслаждалась своей исключительностью и неповторимостью. Да, она одна такая, настоящая царственная особа, которой все должны восхищаться и восхвалять.

Неожиданно в комнату вбежал маленький рыжий щенок. Он был такой маленький, что просто еще не знал ни страха, ни чувства зависти. Да и муху он видел в первый раз в жизни. Щенок подбежал к подоконнику и уставился на диковинное существо. Он решил, что это какая-то интересная игрушка, и потянулся к мухе лапой. Муха считала ниже своего достоинства обращать внимание на глупого маленького зверька. Он показался ей смешным и бестолковым, она почесала лапки о свои могучие крылья. Щенок решил, что непонятное создание хочет поиграть с ним, дернувшись, резко опустил лапу на муху и... раздавил ее.

Солнечный лучик

Солнечный лучик просыпался очень рано. Он любил первым быстро пробегать по аллеям сонного парка, по покрытой росой мягкой зеленой травке, по трепетно вздрагивающим листьям деревьев. Еще ему нравилось будить городских птиц: взъерошенных и простодушных воробьев, расчелливых и умных ворон, прожорливых и ленивых голубей, пугливых и веселых синиц. Солнечный лучик также любил заглядывать в окна жилых домов. Он хотел, чтобы у увидевших его людей, живущих за этими окнами, поднималось настроение. И когда на их лицах появлялась улыбка, солнечный лучик был просто счастлив. Он считал своим долгом доставлять радость всем живущим на земле. Еще у лучика была заветная мечта. Он хотел найти себе друга. Надо сказать, что далеко не во все окна лучику удавалось проникнуть. Иногда окна были плотно завешены шторами. От этого солнечный лучик очень расстраивался и даже бледнел.

Ему давно хотелось заглянуть в окно маленького кирпичного домика, стоявшего у дороги, но занавески на окнах были плотными, тяжелыми и не пропускали лучик внутрь. И вот однажды солнечный лучик заметил между шторами маленькую щелочку и сразу проскользнул через нее в комнату. Рядом с окном он увидел большую кровать, на которой лежал маленький бледный мальчик. Около кровати стоял столик, где были сложены лекарства и стояла чашка с водой. Мальчик лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Лучик понял, что мальчик болен. Он осторожно заглянул ему в лицо. Мальчик открыл глаза и улыбнулся. В это время в комнату вошла женщина. Она направилась к окну и хотела задернуть шторы. Но мальчик вдруг тихо попросил: «Мама, не закрывай окно. Мне стало лучше, когда солнечный зайчик пришел ко мне». Женщина улыбнулась и раздвинула шторы. Солнечный зайчик понял, что наконец-то он нашел себе друга, к которому будет приходить всегда.

Котяра

Никто не знал его имени, да и было ли оно вообще? Скорее всего, нет. На привычные имена – Котик, Вася, Барсик – он не откликался, и все называли его Котяра. Это подходило ему в самый раз. Его шерсть неопределенно серого цвета торчала в разные стороны клочьями, что придавало Котяре не просто воинственный, но даже жутковатый вид. Он хромал на заднюю левую лапу, правый глаз его был выбит после какой-то очередной драки с кошками с соседней улицы, левое ухо порвано. Но, несмотря на такие тяжелые ранения, Котяра оставался бесстрашным и отчаянным котом. Местные собаки, зная его агрессивный

нрав, предпочитали не связываться с Котяркой. Если же какая-то случайно забежавшая во двор собака кидалась на него с громким лаем, Котяра никогда не убегал. Шерсть его вздыбливалась, он приседал на задние лапы, начинал шипеть, а потом сам бросался на ненавистного врага. Злобно фыркая и громко мяукая, он вцеплялся своими острыми когтями в собачий нос, чем приводил противника в полное смятение и обращал его в позорное бегство.

Обычно Котяра легко находил себе пропитание. Он не брезговал рыться в помойке, где можно было найти что-то съестное. Иногда его подкармливали жильцы или смешной дворник Рашик, который любил сидеть в тени под большим тополем и громко разговаривать по мобильнику. Еще Котяра ловко охотился на птиц, спустившихся на землю и безмятежно прогуливающихся по двору. Но сегодня ему не везло: машина рано вывезла с помойки все баки, жители молча проходили мимо, Рашик не появлялся, а жирный голубь, которого Котяра схватил около водосточной трубы, вырвался из его лап и улетел. Котяра медленно направился к большому гастроному, расположенному недалеко от его дома. Он с надеждой смотрел на выходящих из магазина людей, ожидая получить какую-нибудь еду. Но люди быстро пронеслись мимо, не обращая внимания на сидящего возле двери кота. Однако терпение Котяры было вознаграждено: из магазина медленно выплыла полная дама с большой хозяйственной сумкой. Проходя мимо, она вытащила из сумки пакет и развернула его. В нос Котяре ударил дурманящий запах колбасы. Котяра не мог оторвать взгляда своего единственного глаза от манящего пакета. Женщина хотела попробовать кусочек колбасы, предусмотрительно отрезанный от целого багона, но неожиданно споткнулась и выронила на землю аппетитное лакомство. Котяра молнией кинулся за упавшей колбасой, крепко схватил ее зубами и помчался в свой двор. Он заскочил в подъезд старого дома, дверь которого никогда не запиралась, и бросился в темный угол под лестницу. Здесь Котяра почувствовал себя в полной безопасности и приготовился приступить к долгожданной трапезе. Вдруг он услышал за своей спиной слабое попискивание. Оглянувшись, Котяра увидел худого маленького серого котенка. Котенок почувал запах колбасы и слабо мяукнул. Было видно, что он очень голоден. Сначала Котяра хотел прогнать его, он злобно заурчал, но вдруг боевой кот замолчал. Он вспомнил...

Он был такой же маленький и лежал вместе с двумя сестренками в темном холодном и сыром подвале. Котята ждали возвращения мамы кошки, с утра отправившейся на поиски пищи. Им было страшно и очень хотелось есть. Но мама все не приходила. Котята ждали ее долго-долго. Наконец они решили выбраться из подвала, но маленькое окошко, являющееся единственным выходом на улицу, было расположено высоко. Слабые сестренки Котяры не могли дотянуться до него. Только Котяре удалось подпрыгнуть, зацепиться за край окошка и выбраться наружу. Так он стал диким дворовым котом. Еще он вспомнил, что чувство голода никогда не покидало его в детстве. Котяра положил колбасу на пол и молча вышел из подъезда.

Варвара Яновская, 9 «Б»

Картинки

У вас бывает так, что картинки, которые вы рисуете себе в голове, не совпадают с реальностью? У меня они часто различаются. Думаю, что человек поступит так, а он совершает совсем другое. Ожидаю от себя одних эмоций, а чувствую противоположные.

Нечто подобное со мной произошло в девятом классе. Была зима, серые дни, не отличаясь друг от друга, пролетали незаметно. Все куда-то торопились, будто боялись что-то упустить. Однако был один день, который запечатлелся в моей памяти, оставив глубокий след. Он изменил мои чувства и отношение к окружающим меня людям.

Это был конец первого семестра. Все старшие классы собирались на дискотеку. К этому дню я готовилась очень долго, постоянно спрашивала у мамы, что надеть, какую прическу сделать, как себя вести, с кем общаться. Это была первая дискотека, на которую мне выпал шанс попасть, и я не имела понятия о том, как все будет происходить.

На подобных мероприятиях обычно присутствовало много народу. Вот и сейчас глаза, руки, ноги, голоса и лица – все смешалось словно в неудержимом вихре. Как обычно при таком скоплении людей, я чувствовала себя смущенно и начала робко продвигаться в зал. Прошло всего лишь несколько минут, и меня было не узнать. Словно кто-то толкал меня, заставляя громко смеяться, выходить в центр зала – совершать те действия, которые я никогда раньше не совершила бы. Все-таки этому было объяснение. Все мои резкие и яркие движения были нацелены на одно: я привлекала внимание. Кого? Старшеклассника, которого видела впервые. Но уже пары мгновений было достаточно, чтобы по уши влюбиться. Вокруг него толпились ребята. Они о чем-то разговаривали и громко смеялись. Сам молодой человек внешне ничем не выделялся среди остальных. Однако было в нем что-то притягательное, что заставляло меня делать странные вещи, добываясь хотя бы

одного его взгляда. На удивление у меня это получилось. Через пару минут на меня смотрели. Но что было во взглядах, направленных на меня? Насмешка, жалость, восхищение?

В перерыве между песнями я, краснощекая и запыхавшаяся, вышла попить воды. В коридоре организаторами был заботливо подготовлен кулер. Недалеко от него, у стены, стояла небольшая группа девочек. Они активно о чем-то шептались и с интересом посматривали на меня. Это были не просто любопытные взгляды, а оценивающие. Но что именно они оценивали, я не поняла. Их тихие «Хи-хи-хи» и «Ха-ха-ха» подсказывали мне, что идет обсуждение медленного танца, который по традиции будет проходить после всей дискотеки. Может быть, они обсуждали, какая будет песня и кто кого пригласит. На тот момент меня это не волновало, и, утолив жажду, я вернулась в зал.

Все танцевали, как прежде. Выпустив энергию в начале дискотеки, я поняла, что устала, и захотела отсидеться. А заодно получше рассмотреть того самого мальчика и окружающих его ребят. Он стоял там же и смеялся со всеми. Эта компания многих притягивала, к ним подходили все новые и новые ребята. Я встала и тоже направилась в их сторону. Помню, как было страшно идти, делая вид, будто я «просто прохожу мимо». И как потом я искренне смеялась вместе со всеми, понимая, почему было легко и весело в его компании. Как его лучистые, сияющие глаза поднимали мне настроение и будоражили одновременно.

Вдруг все куда-то разошлись. На несколько секунд быстрая ритмичная музыка затихла, и на смену ей пришла спокойная и романтическая. Мелодия не спеша проникала в каждый уголок танцевального зала. Медленно и робко молодые люди подходили к не менее смущенным девушкам и приглашали на танец. Все происходило как в замедленной съемке, будто я смотрю это кино и проплываю мимо на мягком и нежном облаке. Вдруг ко мне подошел покрасневший мальчик, который учился со мной в одном классе. Он мало с кем общался и был не особо привлекателен. Его маленькие черные глазки сверкали, исподлобья поглядывая на меня. Оттопыренные уши, несмотря на все его старания спрятать их под неухоженными длинными волосами, нелепо торчали. Его внешность меня сильно отталкивала. Бурча что-то под нос, он протянул в мою сторону руку. Я не сразу поняла, что этот жест означал приглашение на танец. После нескольких секунд раздумий я, проглотив легкий смешок, с жалостью в глазах произнесла: «Прости, но мне не хотелось бы сейчас танцевать, я слишком устала». Каким потерянным взглядом он посмотрел на меня, с какой печалью!

Выведенная из томного оцепенения моим одноклассником, я оглянулась и стала рассматривать танцующих рядом ребят. Вдруг я увидела его. Уверенным и быстрым шагом он направлялся в сторону девочки, сидящей на лавочке и заинтересованно смотрящей в свой громоздкий телефон. Он шел именно к ней, в этом не было сомнений! До меня долетали восклицания: «Смотри! Смотри!», «Кажется, будет новая парочка!», «Да! Я видела, как они недавно гуляли в парке!», «Смотри!!!»

Чувство ревности, будто к «моей собственности», в одно мгновение охватило меня. Мне так захотелось что-то подпортить, сделав некрасивое, подлое, неправильное. Очень захотелось! Я испугалась нахлынувших эмоций: «Неужели вот она, ненависть?»

Не помню, как я ушла из душного и противного мне помещения и почти уже вышла на улицу. Перед глазами было мутно, словно «водяная стена из слез» закрывала мне путь до выхода из школы. Маленькие блестящие соленые капли падали на каменный пол и разбивались, прекращали свое существование, ничего так и не совершив. Неожиданно остановившись, смахнув слезы, я развернулась и стремглав побежала обратно. Меня поглотили эмоции, решимость сделать все здесь и сейчас. Я четко была нацелена на что-то, будто кто-то мною управлял, как марионеткой, заставляя бежать в зал. В моей голове прорисовывалась красивая картинка! Все мое существо было наполнено предвкушением чего-то счастливого!

Все уже выходили из зала, когда я добежала до дверей. Я стала ждать. Уже почти все вышли, а я все ждала и ждала, переполненная радостным предвкушением. Сердце бешено билось, все горело внутри, и глаза мои искрились радостным безумием. И вот я вижу, как он, почему-то один, выходит последним. Шум удаляется, а я вдруг не нахожу в себе силы подать голос, остановить его. Сначала шепча, а потом надрываясь, кричу: «Я люблю тебя, люблю! Люблю и не хочу это скрывать!» Я долго повторяла во весь голос эти слова. Пока не поняла, что этот голос кричит только внутри меня. Не выпуская ни звука наружу. Молча стояла я вся растрепанная, и мелкая дрожь пробегала по всему телу. А в ответ слышались мучительные удаляющиеся ЕГО шаги. И ТИШИНА.

КОНКУРС

«Я/Мы в год пандемии»

Истекший год был действительно необычным. Год назад, весной 2020-го, находясь в глухом карантине, вдали друг от друга, мы решили объявить конкурс творческих работ, посвященных событиям, которые разворачивались на наших глазах

Конкурс проходил под эгидой Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского. Мы назвали его «Я/Мы в год пандемии». В нем могли принять участие учащиеся тогдашних 7–8-х классов, то есть те мальчики и девочки, которые по возрасту не могли еще номинироваться на саму Премию. Планировалось подвести итоги этого конкурса ранней осенью прошлого года – ко Дню учителя, но и осень 2020-го, так же как и весна, прошла на удаленке. За это время вчерашние семи- и восьмиклассники успели подрасти. Кто-то из них, перейдя в 9-й класс, воспользовался открывшейся возможностью и номинировался на Премию Пирятинского, кто-то не стал этого делать, одна из участниц конкурса даже успела перейти в другую школу. Учредители Премии искренне благодарят всех участников конкурса творческих работ «Я/Мы в год пандемии» и представляют на ваш суд их размышления о том времени, которое, будем надеяться, постепенно уходит в историю.

**Елена
Богачева,
8 «Г»**

Изменения, которых никто не ожидал

1. Никто не ожидал того, что произошло этой весной. Мир разом остановился – все сидят на карантине, работают и учатся дистанционно. На улицах малоллюдно. Только какой-нибудь курьер может забежать в подъезд, чтобы отнести очередной заказ.

2. Но давайте сейчас поговорим об одной маленькой девочке по имени Лена, которая тоже сидела в четырех стенах. Если вы не догадались, эта девочка – я. Так вот. Поначалу сидеть взаперти мне

было очень даже весело. Есть много времени для того, чтобы посвятить его себе.

Но вот наступает момент, когда все сериалы, фильмы, мультики и аниме просмотрены, а игры пройдены. Так что же делать дальше?

3. Как оказалось, карантин не только забирает возможности, но и добавляет новые. Стоит только взглянуть на него под другим углом. Сидение дома может привести к деградации, а может раздвинуть личностные горизонты. В любом случае лень все равно наскучит. Можно начать сочинять стихи или песни, придумать миллион новых интересных занятий, готовить или убираться у себя в комнате в конце-то концов! Вот я на карантине провела несколько генеральных уборок. Поверьте, там было что убирать! Я даже задумалась о том, чтобы начать пробовать готовить, ведь на приготовлении яичницы на завтрак или разогревании котлет или супа на плите мои кулинарные навыки себя исчерпывали. Увы, все закончилось лишь мечтами... Но когда все дела уже переделаны, хочется успокоиться и просто подумать... Неважно о чем. Просто подумать.

4. Весь мир остановился, а это значит, что времени подумать обо всем на свете невероятное много. Есть время подумать о жизни и о том, на что мы ее тратим. Лично я неоднократно задумывалась об этом и вне карантина, но мыслями все и ограничилось. Сейчас же как раз есть такая возможность. Я попыталась составить расписание своего дня, чтобы ничего не забывать. Даже на телефон поставила мотивирующий календарь. Он, кстати, ни капли не помог. В конце концов, мотивация должна исходить не из телефона, а из самой себя. На самом деле не скажу, что сразу все у меня сложилось отлично и жизнь моя стала идеальной, вовсе нет. Поначалу я думала, что времени у меня с избытком и я все обязательно успею, а потом даже начала жалеть, что в сутках всего двадцать четыре часа. Думаю, то вре-

мя было самым продуктивным за мой карантин. Это было сделано не зря – я стала более организованной и научилась ответственнее относиться к своему времени, хотя я и сейчас над этим работаю.

5. Еще на карантине можно сделать то, чем вы раньше боялись заняться. Я попробовала играть на гитаре. Опять же не все получилось сразу – пальцы болели, синели, а я все никак не могла запомнить эти аккорды! Но результат оправдал ожидания. Раньше я и думать не успевала о том, чтобы начать играть на гитаре, а сейчас я уже смело могу сыграть несколько песен! Кстати, не я одна начала заниматься чем-то новым. Моя мама на карантине начала рисовать, что получалось у нее просто отлично!

6. Также во время карантина можно отточить свои навыки в чем-либо. Во время карантина я очень много рисовала. Почти каждый день в моем блокноте появлялся один, а то и два новых рисунка – и каждый лучше прежнего.

7. Какой бы занудой я сейчас ни показалась, я скажу, что на карантине надо уделять время и учебе. Например, я начала дополнительно заниматься английским и нисколько не жалею об этом! На уроках было очень интересно и весело, мы с преподавателем общались на равных. Благодаря этим занятиям я укрепила свои знания по грамматике и повысила качество устной речи. С учителем также было очень интересно общаться. Мы определенно нашли общий язык – в музыке и фильмах у нас очень схожие вкусы! Этот опыт показал мне, что

во время карантина тоже можно познакомиться с интересными людьми!

8. Не забываем про спорт! Думаю, большинство людей набрало вес за время карантина. Не стала исключением и я. Но это надо срочно исправлять! Я почти каждый день делала пятнадцати- или двадцатиминутные тренировки дома и потом еще полчаса отработывала танцевальные движения. Это положительно сказалось на моей форме. Когда я тренировалась в зале, меня «пинали» тренеры, чтобы я не расслаблялась. Сейчас же пришлось самой подниматься с дивана и что-то делать! Так и самодисциплина стала гораздо лучше.

9. Контакт с семьей тоже очень важен. Раньше у всех нас был настолько загруженный график, что иногда мы могли только утром сказать друг другу «доброе утро», а вечером – «спокойной ночи». Сейчас же появилось время и возможность провести гораздо больше времени вместе, чем мы и воспользовались. Друг другу мы не надоели, а, наоборот, стали гораздо ближе, чем были!

10. Думаю, мир очень сильно изменился за время карантина, как и взгляд людей на него. Я тоже очень сильно изменилась. Мир стал более современен – вирус вынудил нас разобраться в технике! А вот лично я стала более собранной, организованной и чистой. Научилась играть на гитаре, стала лучше рисовать, усовершенствовала английский и начала заниматься спортом дома, а не только в зале. А как изменились вы?

Яна Будилович, 9 «В»

Утренний Нью-Йорк

4 июня 2068 года. Тишину этого раннего субботнего утра нарушали только аккуратные шаги Мегги Кларк. Ей отчего-то не спалось, она вышла на балкон и наслаждалась красотой восходящего солнца. Семья Кларков жила в Нью-Йорке, однако он, как и весь остальной мир, за последние 48 лет изменился до неузнаваемости.

Крупные города поглотили мелкие окрестные, превратившись в огромные мегаполисы, разбросанные на много километров друг от друга по всему матерiku. Они были словно оазисы в бескрайней степи и среди руин заброшенных городов. Каждый мегаполис делился на три фракции, имевшие свои собственные границы и порядки. Для сообщения между частями города использовались поезда, передвигающиеся в вакууме. Белой паутиной ветки этого сверхзвукового метро расходились по всем направлениям, и в мгновение ока без единого звука состав оказывался в пункте назначения. Однако, чтобы пересечь границу фракции и попасть на такой поезд, требовался пропуск и медицинский тест на коронавирус. Теперь результаты этих тестов узнавались мгновенно, да и сама процедура уже стала повседневной. Носить респиратор было уже не тяготой, а самой обычной привычкой. Дышать атмосферным воздухом, не заразившись, без специальных респираторов было невозможно. Поэтому на улицах люди в масках не раздражали, а, напротив, вызвали интерес различным цветом и дизайном своих защитных средств. Зато дома можно их не носить: в квартирах стояли воздушные фильтры, позволявшие дышать спокойно; их оплата входила в стоимость коммунальных услуг. Вошли в привычку и антисептики – дозаторы, наполненные этой прозрачной, практически чудотворной жидкостью, теперь были развешены повсюду, в каждом здании,

на каждом углу. Вот таким было положение дел в каждом городе, в любой точке планеты, но есть еще одно новшество для нас с вами, о котором уже было упомянуто выше, – фракции.

Самая большая часть города – фракция паникеров. Самая изолированная из всех. Здесь жила и работала большая часть населения, и семья Кларков не была исключением. Именно в этой фракции находилась большая масса жилых домов, детские сады и школы, парки и офисы, салоны красоты и рестораны – словом, практически все, к чему мы с вами привыкли. Семья Кларков жила в обычной трехкомнатной квартире девятиэтажного дома. Майкл – отец семейства – работал юристом в крупной телевизионной компании. Каждое утро он ездил в офис, а вечера проводил дома с семьей. Младшая дочь Кларков Мегги окончила десятый класс и теперь наслаждалась долгожданными каникулами. Но ей, как и любому ее сверстнику, уже следовало задуматься о своем будущем. Выбор предстоял действительно непростой: остаться во фракции паникеров, где она провела всю жизнь, и дальше вести размеренный образ жизни или последовать примеру брата и мамы, вырваться за пределы родных мест и работать на благо своего мегаполиса, а может, и всего мира.

Можно было стать ученым или медиком, как мама, и работать во фракции исследователей. Джози, мать Мегги, была биоинженером и каждый день ездила на работу в другую часть города. Мама предпочла жить в другой фракции вместе с семьей, в отличие от большинства ее коллег. Хотя иногда, когда работы было слишком много, Джози оставалась ночевать в тамошних домиках, оборудованных специально для таких случаев.

Во фракции исследователей находились научные и медицинские лаборатории. Эти огромные здания самых разных форм всегда завораживали. Цилиндрические небоскребы, полусферы исследовательских центров, раскрашенные в разные цвета в зависимости от предмета изучения, длинные ряды одноэтажных домиков для тех трудяг, которые оставались ночевать прямо на месте работы, многочисленные коридоры, расположенные в разные стороны, как ноги огромного паука, от корпуса центрального управления. Суетливые работники, бегающие с папками, отчетами, результатами химических анализов, оборудованием, образцами крови, пробирками или просто идущие на перерыв, казались лилипутами на фоне этих громадных зданий. Здесь ученые круглосуточно трудились над разработкой вакцины от коронавируса – нужно было опередить новый скачок развития этого быстро эволюционирующего вируса. Лучшие умы мегаполиса пытались придумать способ очистить атмосферу от смертоносной заразы. Также здесь разрабатывались технологии по производству и переработке всех материалов и продуктов, придуманные алгоритмы направлялись на фабрики и заводы, находящиеся в этой же фракции, а позже специальные группы ученых проверяли все произведенные материалы и продукты на безопасность химического состава и качество в целом. Поодаль от всех остальных построек находились больницы, в которые направлялись больные со всего мегаполиса. Здесь пациентов распределяли по разным

корпусам в зависимости от тяжести заболевания. Те, чье состояние требовало хирургического вмешательства, отправлялись в синие боксы. В красных корпусах размещали людей, серьезно пострадавших в авариях, больных коронавирусом в тяжелой форме, словом, всех тех, чье состояние было очень тяжелым. Пациенты с менее серьезными заболеваниями, но также нуждающиеся в особом внимании врачей, находились в оранжевых боксах. И, наконец, в желтых корпусах были люди в наименее тяжелом состоянии. Даже палат тут было совсем немного, в основном эти корпуса служили поликлиниками и травмпунктами. Громоздкие угловатые здания больниц сильно выделялись на фоне, может, и очень больших, но все же аккуратных научных центров. Еще в этой фракции по соседству с лабораториями находились колледжи и университеты самых разных направлений науки и медицины. Они выглядели так же ухоженно и благородно, как и ученики этих заведений. Конкурс на поступление сюда чрезвычайно большой, и учиться здесь престижнее и сложнее, чем где-либо, но все старания того стоили. Студенты уже с первого года обучения проходили практику в настоящих лабораториях и исследовательских центрах, да и любая работа в этой фракции была очень востребована и высоко оплачивалась, но обязывала к полной самоотдаче.

Был еще один вариант – пойти по стопам старшего брата и податься в военную фракцию, однако такая перспектива представлялась Мегги довольно мрачной. Ее старшему брату, Дэну, было девятнадцать, и он окончил военную академию. Дома он появлялся только на каникулах, по праздникам или выходным. С направлением Дэн определился еще давно и перешел в академию после девятого класса, он собирался вступить в ряды активной разведки. Служащие этих полков покидали пределы мегаполиса и на просторах бескрайней пустоши разыскивали общины изгоев. Первыми

изгоями были те, кто просто не верил в существование коронавируса и не стал жить в мегаполисах. Эти люди были главной угрозой человечества, так как продолжали быть переносчиками болезни, которая погубила уже шесть миллиардов человек. Изгой жили вместе в заброшенных городах, и их общины все разрастались. Иногда люди из мегаполисов по самым разным причинам сбегали сюда и становились изгоями. Хотя многие обитатели этих общин были не согласны с убеждениями предков и, прекрасно понимая всю серьезность многолетней пандемии, ждали прибытия разведчиков и добровольно им сдавались. А остальных военные насильно забирали в мегаполисы, где изгоев лечили и старались доказать им всю серьезность ситуации. У многих изгоев был отличный иммунитет к вирусу, поэтому образцы их крови часто помогали в создании вакцины. Хотя этим людям давали возможность получить образование и работу, некоторым снова удавалось сбежать, так что работа у разведчиков всегда была. Помимо различных академий, в военной фракции находилось правительство. Эти величественные здания, не поддавшиеся модернизации, как прочие, всегда охранялись верными служащими. Также тут находились здания суда и тюрем, где тоже не обходилось без военных. Из-за подобных фактов работа в этой фракции казалась Мегги пугающей, но все-таки имела оттенок героизма.

Все эти мысли пронеслись в голове Мегги. Почему именно сейчас она задумалась о своем будущем, сидя на балконе восьмого этажа, когда было так спокойно и уютно? Почему именно сейчас, когда впереди ждал еще целый год школьной жизни? Странно, но сейчас все эти размышления не вызвали чувства безнадежности или растерянности, как это обычно бывало. Да, она не пришла к какому-либо решению, но впервые за долгое время она почувствовала широту своего выбора. Сейчас как никогда ясно ей виделись все горизонты возможностей. Это

было очень приятное осознание, от него на душе у Мегги стало так спокойно. Она не знала, сколько уже просидела на балконе, зато была уверена, что может просидеть еще целую вечность. Но безмятежность этого утра нарушили шаги проснувшихся обитателей дома. С кухни уже пахло крепким кофе и свежими булочками. Сейчас папа приготовит яичницу, Мегги с Дэном сядут рядом и будут завтракать. Мегги будет расспрашивать брата о днях, проведенных в академии, а потом они станут

обсуждать, как провести этот день вместе, потому что оба очень соскучились. А папа с подносом пойдет в родительскую спальню, принесет маме горячий ароматный завтрак, разбудит ее нежным поцелуем, сказав: «С добрым утром, милая. Вот твой завтрак». Мама улыбнется и сонно ответит что-то невнятное, и они вместе с папой еще немного поваляются в кровати. Сегодня вся семья Кларков была дома, и все были невероятно счастливы. Какое же это было волшебное утро!

Александра Купецкая, 9 «А»

Карантин — время подумать о...

Жизнь. Ее можно сравнить со скоростным поездом. Она несется по рельсам времени, оставляя позади ненужных людей, трагичные поражения, громкие победы, счастливые моменты так же, как поезд пронесется мимо и оставляет позади пейзажи и города. Когда она делает остановку, то выйти из вагона может кто угодно. Как из поезда. Ведь вы не спрашиваете разрешения машиниста, а просто выходите, когда прибываете в пункт назначения. Но зайти... Нет, зайти могут только те, у кого есть билет. В поезде жизни после остановки могут продолжить путь только призрачные воспоминания. Остальные пассажиры — события, эмоции, мысли, люди — оставляют в вагонах свой бледный след, у которого, в отличие от них самих, есть бесконечный билет на этот поезд. Хотя мало кто пользуется им. Ведь выйти может любой и в любое время.

Или не в любое? Очередная остановка. Поезд тормозит, и машинист громко объявляет: «Время остановки — 30 минут». И как только последняя секунда истечет, локомотив трогается, приводя весь состав в движение. Никто не ждет опоздавших на перрон или тех, кто слишком долго собирал вещи в своем купе и не успел покинуть поезд. Цель — добраться до конечного пункта точно во столько, во сколько указано в расписании этого рейса.

Однако сразу после остановки по всему поезду проходит контролер, быстро вычисляющий тех, кто должен был выйти, тех, действие чьих билетов кончилось. Он не сжалится, кем бы ни были эти пассажиры. «Безбилетники», — грозно скажет он и выгонит нарушителей на следующей же станции. И мысли, которые вы еще не успели обдумать, осознания, которые вы еще не успели принять, люди, к которым уже привязались, моменты, которые случились вот только что, смиренно встанут на платформе и будут смотреть вслед уходящему поезду. Кто-то грустно улыбнется вам на прощание, кто-то ничего не сделает, кто-то помашет рукой, кто-то бросит жальщее оскорбление, кто-то скажет последние приятные слова, но все останутся там, позади. Там, куда этот поезд больше не вернется. Или, по крайней мере, не в этом рейсе.

Но что, если поезд сломался? Просто остановился, не желая двигаться дальше. Вы выглядываете в окно и видите группу механиков, стремительно направляющихся осматривать состав в поисках неполадки. Через некоторое время всем сообщают, что проблема найдена, но, увы, поезд не сдвинется с места еще довольно долго. В вагоне слышится шепоток недовольных пассажиров, а мимо вашего купе проходят несколько контролеров, затем устало садящихся на сиденья. Никто не входит и не выходит. За окном больше не мелькают красочные картинки. Все замирает. Система ломается.

Неожиданно начинает гудеть тревога. Механический голос сообщает по динамикам, что «возникла непредвиденная ситуация, и в одном из отсеков вспыхнул пожар, однако персонал уже работает над его устранением». Вокруг слышны взволнованные крики, все начинают бегать из вагона в вагон, пытаясь выбраться наружу. Лишь вы сидите неподвижно около своего окна, равнодушно наблюдая за разгорающейся паникой. Тревога продолжает неприятно бить по ушам, звук усиливается с каждой секундой, пока не становится полностью невыносимым.

И вы просыпаетесь. На ощупь находите кнопку, выключающую будильник, и с силой бьете по ней. И вы просыпаетесь, осознавая, что жизнь далеко не поезд и, к сожалению или к счастью, далеко не сон.

Вы с трудом открываете глаза. Кажется, сновидение и не кончалось. Система по-прежнему сломана, и все вокруг по-прежнему замерло. Только это не поезд, где техники легко находят неисправности. Это мир, и сейчас он решил сделать паузу, заставляя всех людей в нем повиноваться его решению и нажимать на тормоза своих собственных скоростных составов.

Что бы ни происходило вокруг, сейчас утро, и пора подниматься с постели. Вы ненадолго задерживаетесь около окна, замороженно наблюдая за каплями дождя, стекающими по стеклу. На секунду на небе появляется вспышка света, тут же исчезающая. На календаре

первые числа мая, и, как только эта деталь всплывает в вашем сознании, в голове сразу же мелькают такие знакомые строчки: «Люблю грозу в начале мая...» Наверное, если бы каждый день в новостях не появлялась статистика зараженных новым вирусом, вы бы обязательно согласились с Федором Ивановичем Тютчевым. Однако сейчас гроза кажется негласной насмешкой природы над всем человечеством.

Вы отрываетесь от своих размышлений и пейзажа за окном, вспоминая о завтраке. Может, это хлопья с молоком или простая овсянка, может, это творог с фруктами или вовсе чашка чая или кофе. Честно говоря, это не столь важно. Наслаждаясь утренней пищей, вы проверяете все социальные сети, новостные ленты и другие обычные составляющие повседневной жизни современного человека. В интернете все говорят о саморазвитии, обучении. Говорят о том, что карантин «подарил всем нам множество свободного времени. Так давайте распорядимся им с пользой для самих себя». Может, вы немного по-другому воспринимаете все это? Для вас действительно неясно, почему люди продолжают пытаться куда-то идти, взбираться еще выше, чем они уже есть, по воображаемой лестнице, когда им дали шанс поставить все на паузу. Нет, конечно, саморазвитие — это важно, но, возможно, во время этой паузы стоит подумать о чем-то отличном от прививания себе полезных привычек или изучения новых поз в йоге. О чем-то куда более важном.

Дождь за окном стихает. Вы слегка встряхиваете головой, отгоняя все ненужные мысли и будто призывая себя начать свой обычный день. Сейчас май, и в обычном течении жизни вы бы готовились к предстоящим экзаменам, после занятий и попыток выучить теоремы по геометрии вы бы договорились о встрече с другом, а вечером устроились бы на кровати, смотря очередную серию фильма. Или вы бы планировали свое лето... Но вместо всего этого вы убираете грязную посуду со стола и размышляете о том, чем занять весь оставшийся день. Возможно, расширить свой кругозор в сфере кинематографа было бы сейчас неплохой идеей.

Выбор падает на то, что вы уже смотрели бесконечное множество раз, на детскую сказку о мальчике-волшебнике со шрамом. Гарри Поттер. Почему бы и нет? Обычно при просмотре вы просто наслаждаетесь такими банальными, но правильными мыслями о дружбе и победе добра над злом, вложенными в это произведение. Сейчас же в голову назойливо просачиваются тяжеловесные размышления. К середине фильма вы уже вне канвы его сюжета. Вы вдруг задумываетесь, почему эта, казалось бы, простая детская история имеет такую широкую известность и популярность? Почему миллионы детей мечтают попасть в школу, где их обучат волшебству, а миллионы взрослых продолжают перечитывать и пересматривать эту сказку, до сих пор мечтая хотя бы ненадолго очутиться

в выдуманном мире Джоан Роулинг? Почему вообще люди так любят фантастику, сказки и легенды? Почему многие так хотят перенестись в другие, отличные от нашего, миры? Почему вы сами бы, наверное, этого хотели? Вдруг вы понимаете. Ведь там, в вышедших из-под пера писателей мирах, все гораздо проще. Там есть свои порядки, законы, алгоритмы, и почему-то никто из героев, даже злодеи, не нарушает их. Действительно, фантазия всегда окажется проще и легче для понимания, чем реальность. Раньше вам казалось, что все продукты творческой мысли просто сопутствовали вашей жизни. Вы никогда не задумывались о том, что будет, если лишить человека возможности хотя бы изредка оказываться в других мирах и жизнях. Сейчас это стало очевидно. Когда вы проводите круглые сутки дома, не имея возможности что-то делать, человеческое воображение, ваше собственное или чье-то, становится спасательным кругом. Хотя, как только мир снимется с паузы, вы снова начнете постепенно забывать о ценности фантазий.

Когда вы снова оказываетесь в реальном мире, то на экране уже неторопливо бегут финальные титры, а впереди еще больше половины дня. В голову не приходит ни одно стоящее дело, кроме просмотра

еще одного фильма и сна. Однако очень вовремя на глаза попадают наушники. Кажется, вы давно не слушали музыку вот так, дома, в спокойной обстановке. Обычно она сопровождает вас на улице при походе куда-то.

Вы открываете список разнообразных треков. Этот всегда играет в ваших наушниках по дороге, этот помогает сосредоточиться на работе, этот успокаивает, когда это необходимо, а этот... Этот вы

последний раз слушали, гуляя с другом. Был солнечный день, на обочинах дороги, по которой вы шли, лежал еще не растаявший до конца мартовский снег. Вы вдвоем о чем-то беззаботно болтали (кажется, это было о планах на лето), а из динамика телефона играла задорная песня. Не то чтобы вам обоим были понятны ее слова. Английский язык нельзя назвать вашей сильной стороной. Но на самом деле смысл песни был не так важен. Она просто создавала настроение и приятные воспоминания.

Палец замирает над этим треком в телефоне. Вслед за хорошими воспоминаниями приходят удручающие мысли. Вы не говорили ни с кем из своих друзей последние недели. День течет за днем, но ваше единственное общение — пара фраз раз в несколько дней. Иногда кажется, что все просто пытаются убедить, что вы еще живы. «Друзья познаются в беде» — кажется, так говорится в известной поговорке. Если верить ей, ваша дружба определенно не прошла проверку на прочность. Но ведь, с другой стороны, сейчас беда настала всех. Так можно ли в таком случае ставить крест на своих дружеских отношениях? Или это было бы слишком глупо и импульсивно? Почему

му бы вам самим не написать кому-то? Вы задумываетесь о том, что все говорят, что сейчас, во время карантина, мы, наоборот, должны уделять больше времени семье, друзьям и вообще человеческим отношениям, на которые обычно нет времени. Но тогда почему вы постоянно слышите, как многие рассказывают истории о том, что в это непростое время все их друзья вдруг оказались знакомыми? Действительно ли мир намекает нам на то, что нужно стать ближе к родным, а не на то, что сейчас тот самый момент, когда можно и нужно учиться играть за самого себя? Тот самый момент, когда пора посмотреть на свою жизнь, окружение и решить, не пора ли что-то менять? Не пора ли посмотреть в глаза кому-то из своих друзей и сказать: «Конец»?

Вы ловите себя на том, что поток сознания снова уносит вас слишком далеко от реальности. Нужно найти какое-то занятие, на котором можно полностью сосредоточиться. Вот оно. Точно. Вы готовы крикнуть про себя: «Эврика!» Осознание наконец приходит, неприятно ударяя в голову. Вот почему люди пытаются «утонуть» в многочисленных увлечениях, саморазви-

тии и прочем. Когда вы один, когда вы заперты наедине с собой, то сложный человеческий разум начинает брать над вами верх. Люди боятся размышлений. Боятся выводов, к которым они могут прийти. Тогда, может быть, вам тоже стоит бояться их?

В оставшийся день вы действительно решаете прекратить просмотр фильмов, прослушивание музыки и чтение книг. Вы вдруг вспоминаете, что давно мечтали научиться готовить. Да, определенно. Это хорошая идея.

Засыпая в этот вечер, вы вспоминаете свой предыдущий сон, понимая, почему на самом деле пассажиры начали паниковать из-за поломки в составе. Поезд не просто остановился, он разрушил устоявшуюся систему. Мысли, воспоминания, осознания – больше никто не покидал вагоны, заставляя каждого человека оказаться один на один с тем, с чем он никогда не должен был этого делать, с теми пассажирами, которые должны были выйти. Это страшно. Это нарушает привычный ход вещей. И этот страх, страх перемен и неожиданностей – это то, о чем действительно сейчас стоит задуматься.

Дарья Литюк,
в прошлом году –
7 «Б», ныне –
8-й класс ГБОУ
«Пятьдесят
седьмая школа»

Трехдневная шутка

– Молодые люди, вы обронили визитки, – прозвучала фраза от идущего позади мужчины с двумя детьми – мальчиком и девочкой. На первый взгляд кажется, что им по шесть-семь лет.

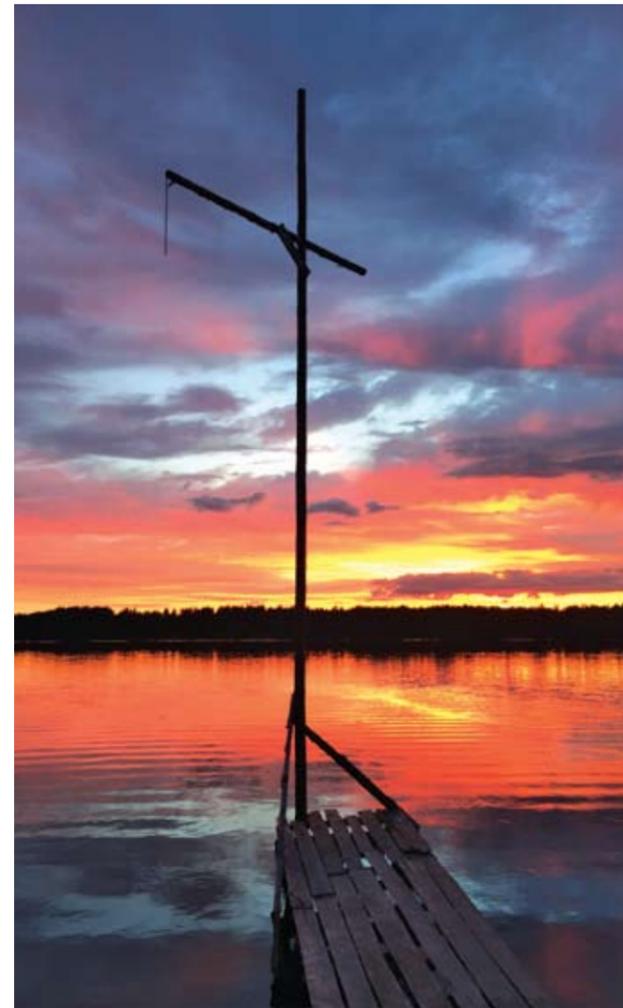
Это обращение предназначалось двум людям, сильно увлеченным своим разговором. Выглядели они очень странно. Один имел тощую фигуру и высокий рост, был одет в светло-коричневый плащ, из-под которого виднелась белая рубашка и плохо завязанный серый галстук, черные брюки, которые явно не подходили ему по длине, и черные сандалии, надетые на длинные белые носки с синей полоской наверху. В руках он держал старенький потертый портфель. Другой мужчина был полной противоположностью своего собеседника. Он был одет в клетчатую серо-голубую рубашку, которая еле застегнулась на его круглом, сильно выпирающем животе, синие брюки были подвернуты внизу и для вида держались на кожаном ремне с большой золотой пряжкой, на ногах у него были ботинки темного цвета с заостренным носом, а в руках был только телефон, кошелек и протеиновый батончик с сушеными ягодами.

Ответа на фразу мужчины не прозвучало, и визитка с надписью «ЕСЛИ ВАМ НУЖНА ПОМОЩЬ С ДЕТЬМИ – ОБРАЩАЙТЕСЬ К НАМ, имеем педагогическое образование, хорошо ладим с детьми и вкусно готовим. ТЕЛЕФОН: 8 (915) 500-15-05» сразу заинтересовала отца двух непоседливых детей.

Придя домой, мужчина понял, что не может найти свой телефон, а на глаза попадалась только визитка с улицы.

– Маша, отдай! – сказал девочке ее брат, добавив: – Отдай мне папин телефон.

– Нет, мы вместе его забирали. Ой, кто-то звонит. Брать или не брать? – спросила у брата Маша.

– Не бери, может, это полицейские забрать нас к себе хотят за плохое поведение, – с пренебрежением ответил на вопрос сестры Филя.

– Да, тут написано «НАЧАЛЬНИК, ОПАСНО». Значит, точно не берем, раз опасно-то, – согласилась со словами брата Маша.

– Значит, нужно отклонить вызов, – смело сказал Филя.

– Как – начальник? – взволнованно спросил у детей отец из соседней комнаты.

Телефон зазвонил снова, он звонил настойчиво и продолжительно. Пришлось нести его папе.

– Алло! – раздалось из трубки.

Папа долго общался по телефону, закрыв дверь в свой кабинет.

После разговора папа вышел из своей комнаты и, подзвав к себе детей, серьезным тоном сказал: «Маша и Филя, мне нужно уехать по работе на несколько дней. Поэтому у меня к вам вопрос: вы поедете к бабушке в деревню или вы останетесь дома, но к вам придет няня? Вы можете выбрать, где вы будете».

– Нам нужно посоветоваться, – ответили на предложение папы дети.

Маша и Филя долго шушукались за дверью детской комнаты, даже спорили, но в итоге пришли к общему мнению. Они важно прошествовали к папе и сказали:

– Мы хотим остаться дома с няней, потому что сейчас пандемия и ни в коем случае мы не должны заразить нашу любимую бабушку.

– Замечательно, а у меня как раз уже есть на примете две няни, – ответил на решение детей отец.

Они с папой пошли в кабинет и начали звонить по указанному на визитке номеру. Примерно через минуту уже был получен ответ.

– Здравствуйте, вы обратились в агентство нянь. Как я могу вас называть? – прозвучал из трубки нежный голос.

– Здравствуйте! Петр Сергеевич, – важно ответил папа. – Мне нужны две няни на три дня для моих детей – девочки и мальчика. Им по шесть лет, – добавил он.

– У нас есть как раз две свободные няни. Имеют высшее педагогическое образование. Вкусно готовят и хорошо ладят с детьми любого возраста.

– Отлично, тогда ждем их завтра в 9 часов утра, – сказал папа.

– Хорошо. Спасибо, что обратились к нам. До свидания, – прозвучало из трубки.

Дети были рады, что остаются дома, и уже замыслили коварные планы для своих нянь. Весь вечер Маша и Филя сидели в комнате с закрытой дверью и думали, как же можно подшучивать. В итоге был разработан план под названием «Трехдневная шутка». В него входили и шарики с водой, и мыло на полу, и шалаш, и еще много чего.

Наступило утро, у детей уже все было готово, оставалось только положить все на свои места. В это время папа суетливо собирал вещи в дорожную сумку, поэтому не обращал внимания на то, чем заняты дети. Вдруг прозвенел звонок в дверь.

– Кто там? – спросил папа.

– Это две няни на три дня, – прозвучало в ответ.

Папа открыл дверь. За ней стояли два человека, одетые в белые комбинезоны, перчатки, маски и прозрачные очки.

– Здравствуйте, – сказал папа.

– Здравствуйте.

– А почему вы так одеты? – удивился папа.

– Сейчас все няни так одеты – для безопасности как детей, так и нас. Разве вы этого не знали?

– А вы будете так одеты все время на протяжении трех дней? – с любопытством поинтересовался отец?

– Да. Но не беспокойтесь, все будет хорошо.

– Ладно, проходите. Знакомьтесь: это Маша, а это Филя, – по очереди показывая на детей, сказал папа.

– Меня зовут Саша, – представился один из них.

– А меня Миша. Рад знакомству, – с улыбкой добавил потом другой.

Их фигуры были очень похожи на фигуры тех людей, которые обронили визитки на улице.

Наступило время, когда папе нужно было уже уезжать.

– Маша и Филя, я поехал. Ведите себя хорошо, слушайтесь нянь и старайтесь не баловаться, – на прощание сказал папа.

– Пока, – одновременно сказали дети.

Как только захлопнулась входная дверь, план «Трехдневная шутка» вступил в действие. Дети убежали в комнату, а няни сразу пошли готовить. Получалось это, конечно, не очень хорошо. Из рук все выпадало из-за перчаток, а комбинезоны вообще были длиннее ног. Во время готовки и Миша, и Саша настолько увлеклись супом, что даже не обратили внимания на то, что у них позади натянута веревка,

а за ней разлита мыльная вода. Из-за угла коварно выглядывали дети.

– Дети, еда готова. Идите сюда и садитесь за стол, – раздалось с кухни.

Сразу после этого был сильный грохот, шум и крики. Взяв всю готовую еду и посуду, мужчины быстро развернулись и, не заметив ловушки, попались в нее. Сначала няни споткнулись о веревку. Кастрюля с супом подлетела вверх к люстре, а затем ударила об пол, и суп разлился. При каждой попытке встать им мешал либо мыльный раствор, либо их комбинезоны. Маша и Филя невинно вышли из-за угла, держа руки за спиной, и ласково спросили:

– У вас все в порядке?

После чего няни попытались заново встать и отругать детей, развернулись спиной, но тут дети достали шарики с водой и начали забрасывать ими мужчин, что мешало подняться еще больше. Через некоторое время встать все же получилось, но когда они случайно задели руками люстру, из нее посыпалась мука, а затем и яйца.

Маша и Филя в это время ушли в другую комнату и как ни в чем не бывало строили шалашик из стульев и одеял. В комнате был такой бардак, что даже шагнуть было некуда.

– Как ты думаешь, няням понравится наш шалаш? – спросила Маша у брата.

– Конечно, – весело ответил Филя.

Няни делали все, чтобы поладить с детьми, и каждый раз попадали в новую ловушку.

Но на третий день с проделками у детей все пошло не так, как они запланировали. Няни ночью основательно подготовились и обезвредили все ловушки, припасенные для следующего дня. Миша и Саша нашли подготовленную коробку на чердаке и сложили туда маскарадные костюмы и веселые хлопушки. Утром, найдя коробку, Маша и Филя были очень удивлены, но няни им объяснили, что лучше вместе весело играть и дружить, чем воевать. Все вместе они начали подготовку к возвращению папы. Самым главным был праздничный торт, готовя который дети и няни вместе веселились, мазались тестом, обсыпались мукой. Детям впервые в жизни понравилось общаться с нянями.

Прозвучал звонок в домофон, и дети пошли открывать дверь.

– Как себя вели дети? – спросил у нянь папа.

– Отлично, – ответили няни.

– Вы говорите правду? – удивился папа.

Дети вышли в коридор и пригласили папу на праздник. Этому папа удивился еще больше. Но ему так понравился их праздничный торт, что он предложил няням остаться у них работать постоянно. Ведь до этого никому не удавалось справиться с его сорванцами.

Папа из командировки привез им замечательную новость, что можно свободно выходить и гулять на улице.

После ужина все вместе пошли во двор радоваться окончанию карантина и запускать хлопушки.

Алёна Салтыкова, ныне – 9 «В»

Прошлое не изменить

Меня зовут Женя, и я человек, который чуть не изменил мир. Я не писатель, но постараюсь изложить все события, произошедшие со мной за последние пять лет.

В 2020 году в Китае обнаружили неизвестный вирус, на тот момент мне было 16 лет. Инфекция распространялась очень быстро, и спустя четыре месяца в нашей стране объявили карантин. Многих людей раздражала одна мысль о том, что необходимо сидеть дома сначала неделю, затем две, потом еще месяц. С марта по июль в нашем городе жители старались соблюдать изоляцию. В жаркое время люди забавлялись реже. Но лето закончилось, и инфекция появилась снова. Во избежание экономических проблем и для сохранения жизни населения в нашей стране объявили чрезвычайную ситуацию.

Я не думал, что коронавирус опасен и все это время искал подработку. Деньги пробуждали во мне больший интерес, нежели сидение дома в обнимку с книжкой или уткнувшись в компьютер. В течение месяца я нашел неплохую работу у ученого.

Константин Михайлович, мужчина лет сорока пяти, с рыжими взъерошенными волосами и веснушчатым плохо выбритым лицом, решил изобрести машину времени, но ему требовался помощник, и он взял меня на работу. Я помогал ученому строить странный аппарат.

Три года ушло на создание огромного компьютерного оборудования, с помощью которого машиной времени можно будет управлять. Первые варианты напоминали холодильник и телефонную будку, но такие конструкции оказались слишком малы. Поэтому Константину Михайловичу пришлось построить домик размером с гараж, который станет порталом из нашего времени в прошлое и будущее. Когда место для компьютера было готово, мы установили его и подключили машину времени. На всю подготовку у нас ушел еще год.

Оставался только один, самый главный вопрос: как возвращаться обратно в наше время? Попастись назад было невозможно, потому что в другой эпохе гараж исчезал. Мы проводили эксперименты на собаках, отправляя их в будущее на неделю вперед, но ни одну мы не смогли вернуть обратно. За полгода выяснилось, что для возвращения в настоящее необходимо сделать электронный ключ.

Время шло, и пока мы трудились над машиной, китайские ученые создали вакцину от коронавируса и наконец-то люди могли гулять без масок, ходить в кафе, ездить на курорты и чувствовать себя свободными.

Вскоре мы с Константином Михайловичем создали первый электронный ключ для машины времени и занялись созданием второго. Но что-то пошло не так.

– Женя, почему он пишет, что Windows заблокирован, и требует деньги? – спросил ученый. – Я ведь не переходил никуда. Я только открыл сообщение в почте.

– Скорее всего, это вирус, – ответил я. – Надо поискать в интернете, как удалить его.

Вернувшись к себе, я нашел подробную инструкцию по удалению вируса с компьютера и побежал обратно к Константину Михайловичу. Мы сделали все так, как было написано, но данные спасти не удалось.

Пришлось оставить один ключ и пока опробовать изобретения Константина по очереди.

Первым в путешествие отправился ученый. Он обещал вернуться вечером. У меня появилось свободное время...

В социальных сетях многие люди обсуждали, как бы мы жили без коронавируса. Я тоже интересовался этим, поэтому решил, что отправлюсь в прошлое и представлю китайскую вакцину в 2020 году. В аптеке мне пришлось потратить все свои накопления. Я купил лекарства против коронавируса, спрятал их и отправился к Константину Михайловичу.

Ученый вернулся, как обещал, вечером.

– Я побывал в 2100 году, там все не как у нас, – говорил он. – Летающие машины, удивительные роботы, органы на заказ – все это за 75 лет!

– А были ли там другие машины времени? Изобрели ли телепортацию?

– Машины времени стоят дорого, далеко не все могут их себе позволить. А телепортацию так и не изобрели.

Будущее, конечно, привлекало меня, но моя цель была другой. Я сел в кресло машины времени, и мое путешествие началось.

По непонятным причинам я не попал в 2020 год, а застрял в каком-то черном пространстве. Вдруг откуда-то заговорил монотонный и грубый голос:

– Евгений, не стоит делать то, что вы задумали. – Почему? Кто вы? Откуда знаете о моих планах? – спросил я.

– Я полицейский во времени, такая должность появится только в 2066 году, но так как Константин совершил путешествие в будущее, мы зафиксировали ваш аппарат. Моя задача не дать никому из путешественников во времени изменить прошлое.

– Но ведь я, наоборот, хочу сделать лучше!

– Понимаю, поэтому покажу вам, что будет в 2025 году, если вакцину от коронавируса изобретут раньше времени.

Черное пространство пропало, и я очутился около дома Константина Михайловича, на том месте, где должен стоять гараж. Нашей постройки не было. Небо покрывали зелено-серые тучи, многие деревья завяли. Мимо меня прошел мужчина в спецодежде электрика, он был гладко выбрит и причесан. В нем я узнал ученого! На лице у него красовалась прозрачная маска, похожая

на кислородную. Константин Михайлович не видел меня и, скорее всего, не узнал бы. Я почему-то прошел сквозь стену и направился к своему дому.

Но дома не было, на его месте громоздились руины. Единственное, что осталось по-прежнему, – бабушки на скамейке, которые знали все новости и шептались о последних событиях.

– В новостях говорят, что человечеству осталось жить несколько десятилетий, потом атмосфера станет, как на Марсе, – говорила одна.

– Вот до чего власти довели, из-за них свежий воздух только в банках остался!

– Да не говори. Сначала из-за коронавируса деньги все себе сгребли, потом вакцину купили и затем всех работать на заводах заставили! Кошмар!

– Да если бы только у нас такое было. Во всей Европе так. По всему миру восстания из-за грязного воздуха и воды.

Послушав эту болтовню, я догадался, что в мире случилась экологическая катастрофа из-за того, что второй вспышки пандемии не было.

И снова передо мной возникла тьма и голос заговорил:

– Теперь ты мне веришь?

– Да. И как мне вернуться назад?

– Нажми на компьютере отмену и введи то время, когда ты отправишься в аптеку. Так все твои накопления сохранятся, и ты сможешь переместиться в то время, в которое хочешь.

– Хорошо. Спасибо!

Я подошел к компьютеру, отменил путешествие в 2020 год и выбрал 17 апреля 2025 года, 17:00.

Оказавшись около аптеки, я зашагал домой, чтобы положить деньги назад.

Затем все повторилось снова. Я пошел к дому Константина Михайловича, который только вернулся. Он снова рассказал о своих путешествиях в 2100 году. Когда я сел в машину, то отправился в 2200 год, чтобы узнать еще больше о нашем будущем.

– Ну ладно, расколола. Мне просто скучно без телефона, а Блейк я звать не хочу, – призналась сестра. – Пойдешь? – с надеждой переспросила Кортни.

– Ладно, пойду, – сказала Райли, спрыгивая с качелей.

Райли нравилось плавать. Надев яркий купальник в разноцветную полосочку и захватив красивые нарукавники в цветочек и плавательные очки, Райли направилась к бассейну. Кортни помогла ей спуститься в воду, и обе поплыли. Это были редкие моменты, когда Кортни отрывалась от телефона, так как боялась его утопить. Спокойное плавание двух сестер прервала Блейк. Она с разбега прыгнула в бассейн прямо на Кортни, но брызги и волны разошлись по всему бассейну. Смешно двигая руками и брызгаясь во все стороны, Райли пыталась отплыть от волн и плескающейся Блейк. Кортни стала вопить на Блейк, что та намочила ей волосы и вообще могла ее задеть, когда прыгала не глядя в воду. Но Блейк с ухмылкой смотрела на негодующую сестру и брызгала водой ей в лицо. Кортни поплыла прямо на нее, пытаясь догнать и облить ее в ответ. Это своеобразное сражение переросло в догонялки, и уже втроем стали играть в салки в воде, прыгать с бортика и вышки, нырять и развлекаться. Но пришло время обеда, и все они, завернувшись в пушистые полотенца, отправились на террасу. Там миссис Брайт уже накрыла стол. После обеда у девочек была тренировка, так что они отправились в свои комнаты переодеваться. У Блейк и Кортни была невероятно красивая форма для тренировок, как у всех девушек из их команды. Райли завидовала сестрам. Блейк обожала делать трюки – стоять на руках, делать сальто или перевороты. А Кортни, наоборот, обожала растяжку. Она сидела на всех шпагатах и могла без проблем достать ногой до уха. Райли знала, что сестры не возьмут ее с собой на тренировку. Они всегда говорят, что Райли еще слишком мала для чирлидинга. Поэтому, взяв свой мягкий коврик, Райли расположилась на траве чуть позади дома, чтобы сестры ее не заметили, и начала старательно за ними повторять.

– Как думаешь, когда она поймет, что мы ее видим? – обратилась Кортни к Блейк.

– Наверное, когда подрастет, – с ухмылкой заметила Блейк.

– Неплохо бы, – сказала Кортни. В этот момент Райли попыталась повторить переворот за Блейк и, конечно же, упала, вскрикнув от страха. Сестры бросились к ней.

– Ты не ушиблась, все в порядке? – встревоженно стала спрашивать Кортни.

– Ты чего творишь? Райли, ты кувырок с трудом делаешь! Зачем ты за нами-то повторяешь? – кричала Блейк, поднимая сестру на ноги. В этот момент на лужайку выбежали мистер и миссис Брайт. Они тоже услышали крик малышки.

– Что случилось? – строго спросила миссис Брайт, увидев Райли в слезах, орущую Блейк и растерянную Кортни.

– Я... я... упала, – испуганно пролепетала малышка.

– Я недовольна, что ты снова и снова пытаешься быть, как сестры. Ты же знаешь, что они делают сложные трюки, солнышко. Тебе стоило начать с кувырка.

– Я просто хотела быть крутой, – смущенно всхлипнула Райли. – Как девочки. Помада, красивый костюм, трюки...

– Тебе не нужно все это. Ты и так крутая, – сказала Кортни.

– Правда? – недоверчиво переспросила Райли.

– Правда, – подтвердила Блейк.

– Райли, тебе не нужно быть похожей на кого-то. Ты должна быть собой! Ты крутая, когда ты Райли, а не Кортни или Блейк. Но на самом деле... – мама сделала небольшую паузу, – на самом деле только так можно стать по настоящему счастливой!

– А если ты так хочешь помаду, то я могу помочь тебе ее выбрать, – немного помолчав добавила Кортни. – Не как у меня, а именно ту, которая подойдет тебе, моя маленькая единорозка.

– Но как? Карантин же? – с искорками в глазах заметила Райли.

– Да, этот дурацкий карантин очень много чему помешал! А знаешь что, сестра? Как только он закончится, я отведу тебя в свой рай! Магазин парфюмерии и косметики. Там всегда так красиво, вкусно пахнет, я чувствую себя там счастливой! Баночки, бутылочки, стенды с косметикой и очень красивые продавщицы! И помада, много помады. Я покажу тебе, как выбирать ее!

– Круто! Спасибо, Кортни, – только и смогла пролепетать Райли.

– Я так горжусь вами, девочки. Райли, я вижу, твоя нога немного опухла. Давай папа тебя отнесет в кресло в гостиной, я помажу тебе ногу мазью, наложу бинт, и мы с девочками подготовим вкусности.

Все согласились. Но вот проблема – как выбрать фильм? Райли хотела мультфильм, Блейк боевик, Кортни – фильм про любовь, а мистер и миссис Брайт – что-то образовательное. Тогда миссис Брайт предложила написать названия фильмов на бумажке, положить их в шапку и перемешать. А потом достать одну бумажку и смотреть тот фильм, что написан на ней. Совсем скоро вся семья смотрела мультфильм про отважного единорога.

Дмитрий Трубчик, 9 «А»

Карантин — не каникулы

Карантин – время задуматься о своем будущем. Пора осмыслить собственное видение этого мира. Попробуйте взглянуть на этот этап жизни с положительной точки зрения, пока все делают наоборот. Жизнь очень коротка, так вот бог подарил нам возможность остаться наедине со своими целями. Большинство людей восприняло карантин как время отдыха. Людям всегда хочется того, чего нет. Когда люди работают – они хотят отдохнуть. Когда люди отдыхают – им хочется вернуться назад. Оставайтесь на позитиве и помните, что конец чего-то старого означает начало чего-то нового. Подумайте о своем будущем, чего вы хотите от этой жизни... Задайтесь вопросами: «Действительно ли я счастлив в жизни? Занимаюсь ли я любимым делом?» Большинство родителей делают из своих детей рабов. Они не задумываются, нравятся ли это детям, они заставляют их делать то, чего им не хочется, вместо того чтобы дать ребенку возможность реализовывать свою мечту. Часто родители хотят реализовать в детях то, что не смогли реализовать сами. И вот бог нам дал возможность совершенствоваться. Вы даже представить себе не можете, сколько времени вам стало доступно. Цените время, которое бог вам так щедро дарит ежедневно. Цените близких, с которыми теперь появилась возможность наконец-то провести больше времени, чем обычно. Не поддавайтесь панике, которую так неустанно пропагандируют нам СМИ. Большинство людей делают из мухи слона, воспринимая ситуацию как некий апокалипсис. Но во всем, если постараться, можно найти плюсы. Начните наконец-то инвестировать время в дела и цели, на которые у вас раньше якобы не хватало времени. Подумайте, действительно ли вы счастливы сейчас? Если нет, то что вам мешает изменить эту ситуацию? Нет времени? Нет сил? Это все пустые отговорки. Помните, что пока вы думаете, с чего начать, ваши конкуренты уже работают. Пока вы придумываете себе отговорки, другие люди просто работают. Когда плохие времена закончатся, их будет не остановить, а вы останетесь на том же уровне. Не вздумайте воспринять карантин как каникулы. Это глобальное дело. Сидя дома, люди стали набирать лишний вес. Начни-

те работать над собой хотя бы чуть-чуть. Попробуйте построить свое тело, найдите дело, которое нравиться! Если уже нашли – что вам мешает инвестировать в него все свободное время? Благо сейчас его стало более чем достаточно. Помните, что у вас есть все, чтобы добиться больших успехов в любимом деле; стоит только поверить в свой успех – и полпути уже пройдено. И перестаньте думать о проклятых деньгах, это убивает вас. Вы начинаете концентрироваться на финансах, а не на своих хобби. Но деньги не приносят счастья, как бы грустно это ни звучало...

Делайте сегодня то, что другие не хотят, – завтра будете жить так, как другие не могут. Успешные люди давно осознали, что в жизни есть вещи, которые просто надо сделать. Через боль, это часть пути. Они не мучают себя пустыми отговорками, а продолжают действовать, продолжают выходить из зоны комфорта, ведь человек прогрессирует только тогда, когда покидает ее. Никто не знает, сколько вам осталось жить на этом свете, – так сделайте же каждую секунду значимой! Сколько же моих друзей сейчас просто тратят время впустую, играя, допустим, в игры. Но что игры дают в жизни? Это лишь пустое времяпровождение. Пока создатель игры зарабатывает на вас – вы продолжаете гнить. Вы работаете на других людей. Моя цель – разбудить в вас энтузиазм зверя. Голодного зверя, который готов разрывать. Зверя, которого как будто все оставили, и он жаждет доказать всем, что они были не правы. Вот настрой, который приведет вас к успеху. Выработайте непоколебимую дисциплину. Вы будете успешны, если будете способны держать удар. Никто и ничто так сильно не бьет, как жизнь. Зацепитесь за свой шанс всеми своими силами. Не бойтесь проиграть – бойтесь не попробовать. В конце концов вы будете жалеть в раздумьях: «А что, если...», если не попробуете. Вы не успеете оглянуться, как карантин пройдет. Представьте, как чудесно будет из него выходить, когда вы понимаете, что провели его не зря. Каждый человек бывает горд за себя, когда он преодолел какую-то трудность или препятствие. И у каждого бывают сожаления о какой-то упущенной возможности или моменте. Выбор остается за вами.

Человек никогда не достигнет своего пика. Люди совершенствуются каждый день, но, по сути, финиша нет. В этом и прелесть. Жизнь – постоянная борьба с самим собой. Многие люди часто ищут для чего-то мотивацию. Я дам вам один совет. Просто на секунду представьте, что вы завтра умрете. Все. Какие таланты, мечты умрут вместе с вами. Так чего же вы ждете? Сделайте каждую секунду значимой. Иначе с каждым мгновением будете отставать от конкурентов. «Всегда выбирайте самый трудный путь – на нем вы не встретите конкурентов» – так сказал французский военный и государственный деятель Шарль де Голль. Жизнь невероятно проста. Чем больше вы работаете, тем больше ваша награда. Делаешь то, что легко, – жизнь тяжела. И наоборот. Люди придумывают пустые отговорки для невыполнения этой простой формулы. В нашей с вами жизни много примеров успешных людей. Людей, которыми мы восхищаемся. У каждого из нас бывают как моменты счастья, так и моменты огорчения. Именно моменты огорчения делают разницу между успешным человеком и неудачником. Слабые люди сдаются при первой же неудаче, великие идут до конца, несмотря ни на что. Как сказал Нельсон Мандела: «Ни разу не упасть – не самая большая заслуга в жизни. Главное – каждый

раз подниматься». У каждого из нас бывают падения, не важно, сколько их. Важно, что кто-то нашел в себе мужество идти дальше к своей мечте. Не все могут подняться с колен после поражения. Видение своей цели и упорная работа над собой – вот что должно вас вдохновлять. Не слушайте никого, делайте, как вы видите это. Не слушайте ни позитива, ни негатива – оставайтесь собой, ведь вы уникальны. Каждый человек рожден в этом мире с каким-то особым даром, талантом. Не у каждого получается найти этот талант. А если нашли – так инвестируйте в него все свободное время. Ведь жизнь – это постоянная борьба с самим собой. Вы думаете, что Василий Долотов хочет делать каждое домашнее задание? Зачастую человек видит только 10% от всей работы. Василию приходится каждый день себя заставлять, ведь он понимает, что уроки важны для его будущего, это его обязанность. У каждого человека есть список дел, которые он должен сделать. Люди меняются, когда «должен» переходит в «обязан». Василию не хочется, он делает три глубоких вдоха и заставляет себя делать то, что ему не хочется. В этом весь секрет, все гениальное просто. Секрет успеха заключается в том, что надо работать. Просто тяжело работать. И неважно, что вы устали, – если вы отдохнете, то вы уже не будете первым. Перестаньте жалеть себя пустыми отговорками. Это не приведет вас ни к чему хорошему. На бога на-

дейся, а сам не плошай. Есть неудачники, а есть победители. Сколько возможностей ни давай неудачнику, он все равно сдастся и найдет отмазки, чтобы оправдаться... Победителю же, наоборот, сколько преград ни поставь, он все равно добьется своей цели, несмотря ни на что. Таков победитель. И есть такая теория, что в мире существует только два типа людей – победители и проигравшие. Как сказал Илон Маск, если тебе нужна мотивация, чтобы это сделать, – ты можешь даже не начинать. Ты просто должен гореть этим. И если ты не нацелен хотя бы на полгода работы, можешь даже не надеяться на успех. Полгода я буду работать тяжелее всех и даже не буду смотреть на результаты, ведь терпение тоже является важной частью пути. Люди разочаровываются, когда не видят тех результатов, которых они ожидали. Но не создавайте ожиданий – не будет и разочарований. Вот это настрой победителя. И не забывайте, что счастье не в том, чтобы делать всегда то, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь. Визуализация целей также играет свою роль. Представляйте, как после карантина ваши друзья удивляются вашему прогрессу. Мысли материальны, как бы банально это ни звучало. О чем думаете, то и получаете. Спасибо вам большое, что дочитали этот рассказ до конца. Я очень надеюсь, что он был для вас чем-то полезен. С вами был Трубочик Дмитрий, всем до встречи!

Варвара Яновская, 9 «Б»

Карантинный дневник

23.03.2020

Собрав все учебники с парты и небрежно свалив их кучей в потрепанный портфель, я вышла из класса. Я шла медленно по коридору школы, всматриваясь в лица других учащихся. Мне хотелось понять и прочувствовать, что они думают, какие эмоции испытывают. Большинство из них смеялись – и это хорошо. Перемена была небольшая, и, когда прозвенел звонок, я как раз вошла в кабинет, где и провела следующие три урока.

Голова гудела и информация на уроке никак не воспринимала. Я села рядом с девочкой лет четырнадцати, с рыжими волосами и карими глазами. Мы с ней свободно общаемся. Ее зовут Аглия. Отзывчивая и открытая, веселая и честная. Часто она говорит то, что думает. Порой это приятно, но иногда ее слова могут ранить. Шел урок русского языка – это один из моих любимых предметов. Вот только настроения учиться не было. И причиной тому была новость, что во многих школах объявлено «посещение по желанию». Я понимала, что вскоре их вообще все закроют и объявят карантин. Казалось бы, мы этого все так долго ждали – отдых от бесконечных уроков, гораздо больше свободного времени. Но что-то терзало душу и не давало покоя.

Я вернулась из школы домой и бросила свой рюкзак в угол, за вешалку. Домработница как раз уходила, и я с ней тепло попрощалась. Пройдя через узкий длинный коридор, я зашла в свою просторную и солнечную комнату. Через пять минут я уже сидела в уютном плетеном кресле с телефоном в руках. Переписываясь в социальных сетях, я даже не заметила, как пролетело время. Моя старшая сестра Саша давно вернулась с занятий. И вот слышен звонок в дверь – это пришла мама. А больше некому. Родители ведь уже два года как разведены. Но почему-то это меня не сильно расстраивало, в отличие от моей мамы. Ее боль мы слышали каждый раз, когда она срывалась или пыталась воспитывать нас в резкой форме, будто доказывая, что ей больно, плохо и трудно одной с нами. Но это и так было видно каждый вечер по ее бледному и уставшему после рабочего дня лицу. Мы обнялись с мамой. И, усевшись за стол, я достала альбум, но закрыла ее уже через минуту и решила, что

рисование – это лучший выбор на данный момент. Мама зашла в мою комнату и села в кресло. Она попросила заварить всем чай. И напомнила, что я дежурная, а по словам Саши, ужин не сделала. Мама недавно ввела такой способ приучить нас к труду, как дежурство по кухне.

Не поворачиваясь и закатив глаза, я громко сказала: «Хорошо!», чтобы ко мне не предъявляли излишних претензий. После такого ответа мама с какой-то грустью и тоской в движениях вышла из комнаты, оставив дверь открытой. Мне стало противно от своего же рисунка, и, скомкав его в рельефный шарик, я бросила его прямо в маленькое мусорное ведро.

Моя мама всегда просит нас заваривать новый свежий чай и не в пакетиках – иначе это было бы слишком просто, – а в маленьком чайнике и с разными пряными травами. Из-за лени я приняла мудрое, на мой взгляд, решение не готовить новую заварку, а залить кипятком старую. Когда мама, усомнившись, спросила меня, я уверила ее, что заварен свежий чай. С недоверием мама посмотрела в мои искрящиеся глаза и, слабо выдохнув, села за стол. Гробовое молчание продолжалось несколько минут. Мама была первой, кто нарушил эту девственную тишину, и сказала: «Я решила, что завтра вы остаетесь на дистанционном обучении».

Меня это не особо удивило. И Сашу, видимо, тоже, ведь она как ни в чем не бывало начала что-то безостановочно говорить про школу и свои оценки, даже хвастаясь достижениями в темах по русскому. Но мне, увы, было не до этого. У меня на душе было беспокойно.

25.03.2020

Наутро я чувствовала себя странно, будто все мои мысли охватил туман и они местами заблудились в поисках правильных решений и выходов. Я проснулась от громких криков мамы. Она кричала на меня. Молча я поднялась с постели (сегодня это было на удивление легко и просто), но сразу же пожалела о том, что проснулась. Виновником утренних криков было время. Да, даже не посещая школу, я не могла нормально выспаться. Мама попросила меня застелить постель, съесть уже давно остывший завтрак и приняться за уроки. Утро испортило весь мой оставшийся день. Я была очень груба и всем недовольна. Уроков было достаточно, вот только переживала я не из-за этого. Жажда – нехватка воды в организме человека. Скука – нехватка общения. Я начала очень сильно скучать по своим друзьям. Мне резко захотелось живого общения. Я не думала, что так быстро захочу вернуться в школу.

31.03.2020

Объявили об обязательном домашнем обучении, и это меня ввело в ступор. Я поняла, что это затянется надолго. У моей мамы явно произошел какой-то бзик, и она нам сказала быстро собирать все необходимые вещи, потому что мы едем на дачу. Это было довольно неожиданно, учитывая тот факт, что об этом мы узнали с Сашей за полчаса до отъезда. Но, поняв, сколько у меня вещей, я испугалась, что не беру их за это время. Все же с помощью мамы я уложила в лимит.

По дороге в машине мы рассказывали друг другу забавные истории и анекдоты, слушали наши любимые песни и радовались каждому мигу, проведенному вместе.

На даче было хорошо. Белый снег, которого так не хватало в Москве, слепил глаза. Жаль, что его было не так много, как в феврале. Моя комната значительно

отличается от московского помещения. В этой каморке еле умещается маленький письменный стол и односпальная кровать. Но жить можно, и радует хотя бы то, что у меня есть отдельная комната. Бабушка в своей городской квартире, а дедушка лежит в больнице с пневмонией и вскоре должен выписаться.

11.04.2020

Всю больницу, где лежит дедушка, посадили на карантин. И это не дает нам покоя. Сегодня мама ездила за бабушкой. Мы с Сашей очень рады, ведь мы сильно скучали! Однако после этого семейная обстановка поменялась. Началось недопонимание.

14.04.2020

Сегодня вечером я спустилась вниз. Как только я зашла на кухню, я услышала крики.

– Варя! – громко кричала бабушка. – Я не собираюсь каждый день мыть посуду, готовить каши и супы – я вам не кухарка! Соберитесь и перестаньте бездельничать!

Такое резкое приветствие вызвало во мне бурю протеста. Сама не понимая, как это произошло, я сильно нагубила в ответ бабушке, и, крича еще что-то, поднялась на второй этаж. Открыв дверь в темную кладовую, я зашла туда и села на одну из помятых вещей, лежавших на полу. Уткнувшись носом в коленки, неожиданно для себя я разразилась слезами. Наплакавшись вволю, я немного успокоилась и стала размышлять над ситуацией. Было две стороны скандала. Бабушкина – правильные слова и просьбы, но выраженные плохо воспринимаемым криком. И моя – негативная реакция на скандал и неправильно сказанные слова в сторону старших. Мне было стыдно. В какой-то момент я осознала, что мама сидит у стенки в другой комнате. Я боялась издавать любой шорох. Но каким-то дрожащим и испуганным голосом я начала разговор:

– Мам.

– М-м-м?

– А ты любишь темноту?

– Нет.

– А мне она нравится... – Задумавшись, я продолжила: – Потому что она тихая.

Не знаю, чему был посвящен этот разговор, но я уверенно встала, спустилась на первый этаж и искренне извинилась перед бабушкой. Да, искренне...

19.04.2020

Сегодня за плотным завтраком, который мы приготовили уже все вместе, мама с бледным от ужаса лицом проормотала: «На работе было сокращение. Меня и практически весь наш отдел уволили».

До сих пор не понимаю, как и почему так поступили. Моя мать была признанным профессионалом в своей области.

Я не очень понимала важность всей ситуации, пока не наступила резкая экономия в наших покупках. Мы с Сашей впервые услышали слова «не хватает денег».

30.04.2020

С каждым днем я все лучше и лучше осознаю все наши проблемы, связанные с кризисом и пандемией. При этом я не могу посмотреть на них полностью открытыми глазами. Я как будто хочу убежать от них, но при этом стою на месте, а иногда и иду навстречу. Больше всего я остерегаюсь социальных проблем.

Сегодня рано утром мама даже с какой-то настойчивостью просила нас пойти прогуляться и подышать свежим воздухом вместе с ней, но из-за такого раннего подъема я спросонья ответила, что еще не выспалась и хотела бы полежать. Мама, обиженная на меня, вышла из комнаты, хлопнув дверью так, что моя тонкая стенка задрожала и застонала как живая. Услышав от Саши аналогичный ответ, она, тоже хлопнув дверью и еще что-то буркнув, вышла из ее комнаты. Но идея прогулки нам все же понравилась, и через час мы с сестрой вышли из дома, направившись по дачным переулкам к ближайшему лесу. Я никогда не испытывала такого облегчения, простоты и... понимания? Мы с Сашей легко находили темы для разговора, шутили, и наше общение нельзя было сравнить ни с каким другим. Если бы мне сказали несколько лет назад, что мы будем так хорошо общаться с сестрой, я бы засмеялась и не поверила. А сейчас мне приятно вспоминать эту прогулку, затянувшуюся на два часа. И мне становится тепло от таких воспоминаний. Надеюсь, они еще не раз повторятся.

Но все же, если бы я повернула время вспять, я бы решила прогуляться еще и с мамой. Да, это вышло бы не так, как с Сашей. Но учусь видеть и другую сторону – маме было бы теплее, если бы мы прошлись все вместе.

16.05.2020

Утром мама уехала сдавать все документы и оборудование на работу. Не самые приятные воспоминания, поэтому давайте пока отвлечемся от них. День должен был закончиться легко и свободно, ведь все свои обязанности по дежурству я выполнила и время близилось к ночи. Весь оставшийся недолгий вечер я пролистывала фотографии и видеозаписи в памяти телефона. Это было сюрпризом для меня, но там я нашла много смешных и теплых моментов моей жизни. Как вдруг совершенно неожиданно для меня самой в мою небольшую комнату ворвалась сестра. Это был неприятный разговор в виде наставлений Саши покормить кошку. Я мрачно кивнула и про себя уже в который раз прошипела: «Вредина!» Не знаю, сколько прошло времени после этого момента, но Саша начала уже заходить каждые пять минут и кричать на меня с каждым разом все громче. Вредничая и тем самым еще больше подталкивая к скандалу Сашу, я продолжала валяться на кровати. На тот момент у меня сильно болели ноги, и это, как мне все в семье говорили, было

совершенно нормально в моем возрасте. «Растешь», – производили мои родные с какой-то радостной улыбкой, видимо, поддерживая меня в том, что я не буду карликом. Но мы опять отвлеклись. Чуть прихрамывая, я вышла из комнаты и направилась в холл, в несколько раз больший, чем моя комнатка. В темном углу стоял диван, собранный из двух матрасов. Один прилегал к стенке и служил спинкой, другой лежал на полу. Саша громко закричала, что не пустит меня в мою комнату, пока я не покормлю своего питомца. Мне же этого уже не хотелось, просто из-за того, что это говорила моя сестра. Когда я легла на самодельный диван, я поняла, что даже и не осознавала, какая боль пронзает мои ноги. Было ощущение, что их то мнут, как тесто, то расплющивают скалкой и бьют молотком, а то сжимают в сплошной небольшой ком грубыми руками. Я не знаю, что на меня тогда нашло. Я не могла или не хотела вставать, да и весь ор Саши, направленный на меня в этот остаток вечера, я пропустила мимо ушей. Я слышала ругань в мой адрес, но никак не реагировала на нее. Взгляд замер на портрете прадеда, висевшем в холле на стене как раз напротив дивана. Я дрожала – не знаю от чего, но из-за дрожи по всему телу ноги болели в несколько раз сильнее. Саша покормила мою кошку – за что потом я была ей сильно благодарна. Я продолжала смотреть на портрет и начинала вспоминать все истории, которые мне рассказывали об этом человеке. Я его и живую видела, правда, уже совсем старым. И, к сожалению, а может, и к счастью, он не дожил до наших дней. Я поняла, насколько мне было одиноко в тот момент. Я шептала этой бумажке в рамке: «Обними меня, прошу», и слезы тихо падали на твердую ткань, которой был обмотан матрас. До этого я как-то не обращала внимания на Сашу, которая уже заходила каждые пять минут и проверяла, все ли со мной в порядке. Она беспокоилась, а я этого не замечала и игнорировала все ее вопросы. Только сейчас я поняла, что могла сама подойти и обнять сестру. Я не одинока и никогда не буду!

24.05.2020

Сегодня вечером я, Саша, мама и дедушка пошли в баню. Баня – это большой отдельный дом. На втором этаже кабинет и спальня дедушки. А на первом – сама баня и бильярдная. Большую часть времени я наслаждалась игрой на гитаре в бильярдной, а мама сидела рядом со мной и молча слушала, ласково глядя на меня. Иногда к нам заходил дедушка, весь красный после парилки, и рассказывал разные веселые истории из своего детства. Саша все время пыталась включить телевизор и бегала вокруг с пультом так быстро, что глаза не успевали сосредоточиться на ней. Это было приятно – видеть какую-то воодушевленную, радостную суету в одной комнате.

Уже было довольно темно, когда все, успокоившись, разошлись по своим углам, но я все еще сидела на диване, без гитары, и просто слушала, как дедушка быстро и профессионально нажимал клавиши на пианино. В основном он играл легкий, освежающий и вдохновляющий джаз. Как вдруг мелодия, исходящая из инструмента, напомнила мне детство. И туманным силуэтом всплыло воспоминание.

Я и Саша под бразильскую музыку пытаемся танцевать, представляя, что мы в жарких странах, с кувшинами на головах. Движения у нас плавные, ненавязчивые. А дедушка играет и смеется, смеется. Он тогда говорил, что мы станем танцовщицами, если будем продолжать развивать такой навык. А мы смотрели с Сашей друг на друга, поначалу серьезно, а потом начинали звонко и радостно смеяться, подхватывая дедушкин смех. И продолжали танцевать.

Вернувшись в настоящее время, я начала ощущать, что мои глаза мокрые. Впервые я заплакала слезами искренней радости. Это было чудесно. В этот же вечер я прокрутила в голове все события, произошедшие на карантине. Еще очень многое нам стоит пережить. И я это понимаю. Во мне бушует сложное сплетение чувств – от страха до теплой легкости и радости. Именно сейчас в моей голове зародился простой, но одновременно и сложный вопрос: «К чему приводят ссоры?»

Неужели человек – это то, что можно измерить?

Василий Долотов,
лауреат Премии
2019 года
в номинации
«Человеческое
измерение»

Я был удостоен чести стать лауреатом Премии в номинации, носящей удивительное название – «Человеческое измерение». Но что оно значит? Неужели человек – это то, что можно измерить? Есть ли прибор, с помощью которого человеческое измерение можно произвести? Есть ли тогда единый идеал, который определяет величину, именуемую человечностью? Где проходит грань между человечностью и ее отсутствием? Какие составляющие лежат в основе этой величины? Непременно ли эти составляющие – определенные качества, которыми человек может либо обладать, либо нет? Какими качествами должны обладать те, кто, по мнению окружающих и оценивающих, может претендовать на признание в номинации «Человеческое измерение»?

Нужно быть душой компании? Нужно посещать все гимназические мероприятия? Нужно хорошо играть на фортепиано или на гитаре? Нужно улыбаться каждому, кто с просьбой останавливается на ступенях школьной лестницы? Нужно быть скромным? Нужно обладать большим количеством приятелей, для каждого из которых ты будешь лучшим другом?

Если мы за определенный человеческий идеал берем Ю.Б. Пирятинского, то, стало быть, те качества, за которые ценили его в гимназии, в сумме составляют человечность? Но тогда возникает вопрос: чем именно Юрий Брониславович притягивал столь многих? Знают ли ответы на эти вопросы гимназисты, выдвигающие своих кандидатов на получение Премии? Должны ли эти ответы позволить нам понять, какие человеческие качества ценны? Искренность? Надежность? Прямота? Открытость? Должно ли понимание важности именно этих человеческих

качеств помочь нам измерить количество человечности в человеке? В конце концов, эти ли качества объединяли всех тех, кто получил Премию в номинации «Человеческое измерение»? А вообще, для каждого ли человека и в любой ли ситуации важно сохранять именно эти качества? Если важно, то каждый ли эти качества в себе может взрастить? А плох ли и недостойн ли человек, который этими качествами, в сумме являющимися собой человечность, не обладает? Человечны ли будем мы, ежели искренне и прямо скажем, что да? Ну а если назовем другого недостойным, когда в глубине души будем знать, что мы неправы, мы останемся человечными? А если будет ровно наоборот и другого недостойным не назовем, хотя будем так считать? Не заблудимся ли мы в лабиринте неразрешимых противоречий?

Выходит, человечность – что-то вроде обертки, склеенной из множества качеств, которые в обществе человеку продемонстрировать труда не стоит? Я думаю, что нет. Думаю, что человек индивид тогда, когда те базовые качества, которыми человек по своей уникальной природе может обладать, им не только проявляются в общении с ему подобными, но и осмысляются. Именно осознанность тех действий, в которых проявляются эти ценные качества, и есть основа человечности. Это подводит меня к мысли, что человечность человеческого человека в обществе не будет бросаться в глаза; другим рядом с таким человеком будет хорошо и свободно, потребности в критике и анализе действий такого человека просто не будет. Возможно, именно так себя чувствовали люди рядом с Ю.Б. Пирятинским. И к моему счастью, тех, рядом с кем себя чувствуешь свободно и уверенно, в гимназии много.

Пространство для проб и безопасных ошибок

Анастасия Алёшина,
лауреат Премии
2019 года
в номинации
«Русская
словесность»

С уверенностью можно сказать, что наш выпуск уникален. 24 июля на выпускном вечере меня попросили произнести речь – благодарность школе от имени класса. Но это был 2020 год, и никто не был удивлен, когда что-то пошло не по плану. Поэтому я воспользуюсь Пирятинской лекцией, чтобы сказать большое спасибо гимназии – самой важной части в моей жизни на протяжении последних семи лет.

Как мне кажется, у нас даже есть традиция, за что благодарят: за теплую, душевную атмосферу, за чудесные поездки, турслеты, Волгу и педагогические выезды, за верную дружбу, за то, что за семь лет те ужасные и придирчивые учителя-надзиратели, которых мы видели в самом начале, становятся нашими учителями-друзьями, ради которых сюда всегда хочется приходить. Я подписываюсь под каждым словом из этого списка, но самым важным для меня, страшного ботаника и зануды, был учебный процесс.

Очевидно, я пока не могу оценить, насколько много мне дала школа. Только недавно я начала осознавать, сколько сил вложено

в наше развитие, в то, чтобы мы могли рассуждать, добывать и анализировать информацию, подбирать формулировки, составлять планы и быстро ориентироваться, когда что-то пошло не так. Нас учили мыслить, а для рождения мысли нужно свободное пространство, за которое я очень благодарна гимназии. Но свободное пространство, по-моему, всегда имеет границы, сталкиваясь с которыми мы получаем стимул, чтобы быть лучше. К старшим классам становится понятно, что учителя не просто из вредности заставляют тебя что-то делать, а думают и заботятся о тебе, что крайне важно научиться играть по правилам, которые могут злить и казаться бесполезными. По словам учеников Ю. Б. Пирятинского, они благодарны ему как раз за то, что он мог создавать «рамку», те самые вызовы и ограничения, которые так нужны для развития и взросления.

В одной из своих речей Л. А. Наумов сказал, что задачей школы было предоставить возможность безопасно ошибаться. Наши проекты, исследовательские работы, педагогические выезды – это и есть пространство для проб и безопасных ошибок. Как и Премия Пирятинского.

В девятом классе я выдвинула свои стихи, которые были «ну так себе». Я помню, как жутко нервничала на сцене, хотела спрятаться, потому что знала, что не выиграю, хотя в душе, разумеется, бился мотылек надежды. Это была проба пера, та самая безопасная ошибка. После концерта ко мне подошел один учитель, сказал, что прочитал мои стихотворения, посоветовал продолжать писать, но не надеяться на Премию. Я сделала наоборот: поняла, что мне не хватает музыкальности для изящного стихосложения и что я точно получу Премию. В одиннадцатом классе мой рассказ «Про стихи» сочли достойным...

В нашей школе есть место провальному, поиску себя, преодолению своего стыда, робости, иногда злости, и это очень важно. У нас есть не агрессивная, а безопасная среда, которая поддерживает и дает сил и смелости, чтобы выложить свои стихи, рассказы, песни, рисунки, завести телеграм-канал.

Премия Пирятинского не только предоставляет безопасное пространство и учит, что наше творчество стоит того, чтобы быть напечатанным и прочитанным, но и позволяет нам получить внешнюю оценку, которая так нужна подростку, как бы мы ни обесценивали эту потребность. Премия Пирятинского – не цель, а возможность. Нельзя зря отпра-

вить свой текст, нельзя зря выйти на сцену, нельзя зря заявить о себе, нельзя зря «полезть не в свое дело», если ты не профильник по литературе. Но можно раскрыть в себе что-то новое, можно поделиться мыслями, можно показать другим, на что ты способен, можно обрести новый опыт, поставить новые цели.

Я очень благодарна, что у меня на протяжении семи лет была среда, в которой можно было попробовать себя, ошибиться, натолкнуться на ограничения, пристыдиться, разозлиться, а потом найти поддержку, подумать и стать чуть-чуть взрослее и лучше. Спасибо за предоставленные возможности и вложенные силы!

Гений места

Часто можно услышать о существовании особого «духа красного здания». Что это такое? Мне кажется, будет важным, если каждый из нас задумается над этим вопросом и даст на него свой ответ

**Леонид
Анатольевич
Наумов**

Мысль о том, что Юрий Брониславович Пирятинский был одним из главных хранителей «духа красного здания», неоднократно приходила в голову многим и при его жизни, и особенно после того, как его не стало. Но что такое «дух красного здания»? Мой ответ будет совершенно субъективным...

Педагогика Пирятинского, если говорить «ученым языком», – это классический пример реализации концепции воспитывающего обучения. Иными словами, он был сторонником педагогической модели, в соответствии с которой учитель воспитывает своим предметом: учитель сам хорошо знает предмет и требует такого же знания от своих учеников. В результате учебный диалог превращается в очень важный разговор не только о самом предмете, но и вообще о том, что такое хорошо, что такое плохо, что правильно, что неправильно, что допустимо, что недопустимо и так далее. То есть учебный предмет становится импульсом к диалогу о важных смыслах.

При этом в те годы, когда мы учились в педагогическом институте, нам всем объясняли, что это «устаревшая педагогическая концепция», что она уже «отброшена современной (на тот момент) педагогической наукой» и что так действовать не следует. Пирятинский это прекрасно знал, но все равно действовал по-своему. Он сознательно шел против течения, и, самое главное, у него это хорошо работало. То есть у него эта старая, устаревшая концепция вполне себе жила и наполнялась актуальным содержанием.

Мне кажется, это происходило потому, что были соблюдены два очень важных условия. Во-первых, Юрий Брониславович действительно очень хорошо знал и любил свой предмет. Он его великолепно знал, виртуозно преподавал, и это само по себе не могло не подкупать. А во-вторых, он был очень искренен и был готов жить этой своей деятельностью, этим своим преподаванием на все сто процентов. И дело тут не в том, что Пирятинский, соб-

ственно, жил в школе (как мы знаем, все или почти все свое время он проводил именно здесь). Дело в том, что он внутренне был готов к тому, что у него нет деления на профессиональную деятельность и на всю остальную жизнь. Вся его жизнь происходила здесь, на виду. ЮБ отдавал себе отчет, что все его видят, все его оценивают, причем оценивают не только его уроки, но и его жизнь в целом; что он живет как бы в стеклянной комнате с прозрачными стенами. И эта прозрачность заставляла его очень внимательно относиться к тому, что он делает, какими бы странными на первый взгляд многие вещи ни казались.

Вот эти два фактора – с одной стороны, профессионализм предметника, а с другой стороны, исключительная самоотдача – порождали удивительное доверие к нему. Доверие со стороны ученика к своему учителю. На мой взгляд, именно это доверие и должно быть тем ключевым фактором, который позволяет ученику развиваться, двигаться вперед. Потому что если ученик доверяет учителю и верит в то, что тот приведет его к цели, они вместе способны совершать чудеса. Вот из этого, как мне кажется, и складывается тот самый «дух красного здания» – из профессионализма учителей, из их готовности быть открытыми и делить свою жизнь со своими учениками, из доверия друг к другу, которое в результате возникает...

Но есть еще одно свойство, которое нельзя не упомянуть. Тем более если речь идет о школе на Преображенке. Есть такое понятие – «гений места». Для меня чем дальше, тем все более и более отчетливой становится историческая аналогия, связанная с потешными полками, которые здесь, в селе Преображенском, преобразились в первые русские гвардейские полки. Мне кажется, что в наших учениках так или иначе живет этот дух мальчишек Преображенского, которые три века назад дружили, влюблялись, играли в «войнушку» в этих самых местах. А потом совершенно невероятным и неожиданным для них образом

вся их жизнь начала меняться, преобразаться, и в итоге они стали ядром огромной истории, у которой, как оказалось, столетнее будущее. Готовность к изменению, к преобразению, к самоизменению – это тоже, как мне кажется, очень важное свойство, характеризующее нас и наших учеников. На мой взгляд, это еще одно проявление «духа красного здания» – готовность к преобразению...

Внутри учебной и внеучебной деятельности, которая протекает в нашей школе, есть что-то, что заставляет нас жить иначе, чем мы жили до этого – до того, как переступили порог красного здания. И неважно, в каком качестве – в качестве гимназистов или в качестве учителей. Я думаю, что это стремление идти навстречу трудностям, преодолевая страх и неуверенность в себе, – то, что в известном романе Даниила Гранина называлось «идти на грозу». Это желание стать сильнее, лучше, чем ты есть сейчас. Это желание меняться. Причем, повторю, это относится и к ученикам, и к учителям. Собственно, они и объединяются по этому принципу – потому что они готовы меняться вместе.

И еще об одном мне бы хотелось в этой связи поразмышлять. Быть частью красного здания – что это

значит? Это право и привилегия или все-таки долг и ответственность? На мой взгляд, конечно же, долг и ответственность. Попробую объяснить, почему я так считаю.

Мне кажется, эта дихотомия так или иначе была «запита» в саму идею нашей школы, которая в один прекрасный момент начала ощущать себя (а потом и формально стала таковой) как педагогическая гимназия. Интрига состояла в том, что всегда какая-то часть учеников (и их родителей, конечно) выбирала эту школу в первую очередь затем, чтобы получить здесь качественное образование. И больше им по большому счету ничего не нужно было. Какая-то часть рассчитывала, что они таким образом получат хорошие карьерные преимущества. Потому что, во-первых, здесь есть качественное образование, а во-вторых, здесь можно создать нужные социальные связи, наработать социальный капитал. И это будет основанием для будущей успешной профессиональной деятельности. А какая-то часть шла просто в хорошую школу, в которой они чувствовали себя защищенными, ощущали себя «как дома», где им комфортно с психологической точки зрения. Им было важно, что так будет продолжаться все время их обучения в школе...

Все эти, подчас разные, ожидания были «зашиты» в идею педагогической гимназии с того самого момента, когда школа № 388 стала преобразовываться в гимназию № 1505. Конечно, все эти ожидания имеют право на существование.

Впрочем... Сейчас мало кто помнит дискуссию середины 1990-х годов о том, зачем нам слово «педагогическая», если мы «гимназия». Мол, у нас и так есть хорошая школа, зачем к ней еще это прилагательное? Тем более что оно иногда даже отпугивало людей, которые к нам приходили: не все ведь хотят стать педагогами. Однако, многим (и мне) кажется, это было важное добавление – педагогическая.

Способность посмотреть на ситуацию глазами старшего, чувствующего свою ответственность за младшего, глазами сильного, отвечающего за слабого, взрослого – за ребенка, как мне представляется, стала еще одним определяющим моментом, который лег тогда в основу «духа красного здания» как педагогической гимназии. Думаю, и в сегодняшней школе, как бы она ни называлась, все эти составляющие «духа красного здания» имеют значение. Потому что все это и составляет нас двигаться все время вперед.

«Еще не такое бывает!»

В наполеоновской позе он стоял слева от бюста Ленина, успевая не только заметить каждого входящего, но и пронзить его взглядом василиска...

Валентин Жмуркин,
политтехнолог,
выпуск 1992 года

Недоумевающих и встревоженных первоклашек после второго урока срочно выстроили на линейке на втором этаже в первый день после осенних каникул.

«Кто-то из очень большого начальства»

Обстановка была какая-то напряженная – и дома, и по дороге в школу. Вчера взрослые почему-то начали переживать из-за концерта ко Дню милиции, звонили друг другу, потом тревожно говорили о чем-то между собой на кухне. И за завтраком никто не шутил, родители переглядывались, но толком ничего не объясняли. В классе перед уроками Мишка Шифман сказал: «Сейчас расскажут!» А что расскажут, не говорил... По его лицу можно было предположить, что расскажут что-то очень хорошее, чуть ли не коммунизм объявят по случаю 65-й годовщины Октября. Но этот Мишка был вообще какой-то странный. За два дня до приема в октябрюта вдруг при всех запел гимн нашей страны, коверкая слова: «Союз нерушимый лежит под машиной и кушает кашу за Родину нашу!» В октябрюта попал авансом в общем-то... А вот учителя почему-то ходили какие-то особенно строгие, толклись всю первую перемену возле учительской. Наверное, потому, что объявят коммунизм, а они забыли детям сказать, чтоб приходили в парадной форме.

Октябрюта организованно выстроились в ровное каре без гвалта и шума и умолкли. Стоит двести человек, и слышно, как муха между рам выбирает место, чтобы поудобнее улечься сверху лапами до весны...

Через пару минут появился невысокий бледный молодой мужчина в прекрасном костюме кофейного оттенка и черной водолазке. Комсомольский значок на лацкане смотрелся как орден.

Прекрасно поставленным телевизионным голосом он сообщил нам ужасную новость: «Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату...»

Бледный высоколобый мужчина стал для большинства из нас первым вестником смерти. Тогда мы составили мнение, что от этого раскатистого голоса ждать ничего хорошего не стоит.

Поскольку раньше мы видели этого элегантного комсомольца только раз (он с независимым видом, сложив руки на груди, первого сентября стоял возле нашей железной трибуны на плацу с видом Бонапарта, высматривающего в парадном строю парней из старой гвардии), мы сделали два предположения: это или кто-то из очень большого начальства, или, как считали девочки, специальный человек из телевидения или радио, который появляется по ОЧЕНЬ ОСОБЫМ случаям.

«Сталь, растворенная в его голосе»

Кто такой Юрий Брониславович Пирятинский, мы выяснили уже позже. В недели его дежурства на входе в школу. В той же наполеоновской позе он стоял слева от бюста Ленина, успевая не только заметить каждого входящего, но и пронзить его взглядом василиска. В голове пронеслись прегрешения вольные и невольные: ощупью проверялось наличие сменки, мысленно перебирался портфель на предмет формы на физру и каких-нибудь наверняка забытых пишек и желудей на труд, всплывала в памяти необходимость подписать дневник у родителей... И все это за доли секунды...

При том, что младшеклассники его особенно не занимали. Зато, когда ему попадался кто-то из нерадивцев постарше, провалиться сквозь пол в спортзал хотелось всему этажу. Естественно,

Спектакль гимназической театральной студии по пьесе Е. Шварца «Обыкновенное чудо» (1992 г.).
На фото четвертый слева – В. Жмуркин, пятый слева – В.А. Терехов, седьмой слева – Г.Б. Шандалов

он никогда не повышал голоса. Своим металлическим баритоном, обращаясь по-старинному на «вы», он, конструируя новые образы и мастерски сочетая их с традиционными вроде «голову дома не забыл», не уничтожал, нет... унасекомливал усатых старшеклассников, заменивших неуставными джинсовыми конструкциями один из элементов школьной формы, или барышней, позволивших себе неуместный в приличном образовательном учреждении макияж в соответствии с неоднозначными модными тенденциями середины 80-х.

Удивительно, но его экзотическое отчество никогда не вызвало естественного желания прилепить ему очевидное прозвище – Бронтозаврович. На такое мог бы сподобиться разве что Мишка Шифман, но они с семьей как-то очень быстро переехали «не просто в другой город, ребята, а в другую страну!». Наоборот, в его образе в наших неокрепших умах отчество подчеркивало броню, ту самую сталь, растворенную в его голосе. Если сверкавший золотыми очками и внушительной ветеранской колодкой Наум Ефимович Сартан, поначалу казавшийся высеченным из гранита, недостижимым и суровым директором школы из кино или с плаката, на удивление быстро успел

стать для нас, первоклашек, тихим и очень добрым человеком, то Юрий Брониславович продолжал внушать трепет до тех пор, пока мы неожиданно не попали в его лапы, как говорится...

Курс логопедии и членоразделия

Радость от возвращения в родную школу после года второй смены в «шесть с полтиной» [то есть в школе № 650. – Редакция] была прямо-таки омрачена уходом нашей классной руководительницы Ольги Владленовны... Совсем молоденькая вчерашняя студентка смогла окружить нас невероятным теплом и заботой, заниматься с нами всем, чем только можно, и в школе, и после школы, и в выходные, и в каникулы. Сказать, что мы ее обожали, – ничего не сказать. Но мало того. Теперь литературу и русский будет вести у нас Юрий Брониславович. Правда, за время ссылки в шестьсот пятидесятую выяснилось, что местная шпана (мы-то были, как оказалось, тепличные какие-то...) трепетала при упоминании Пирятинского поболее нашего, и это, конечно, прибавило к мистическому трепету какой-то новый оттенок уважения.

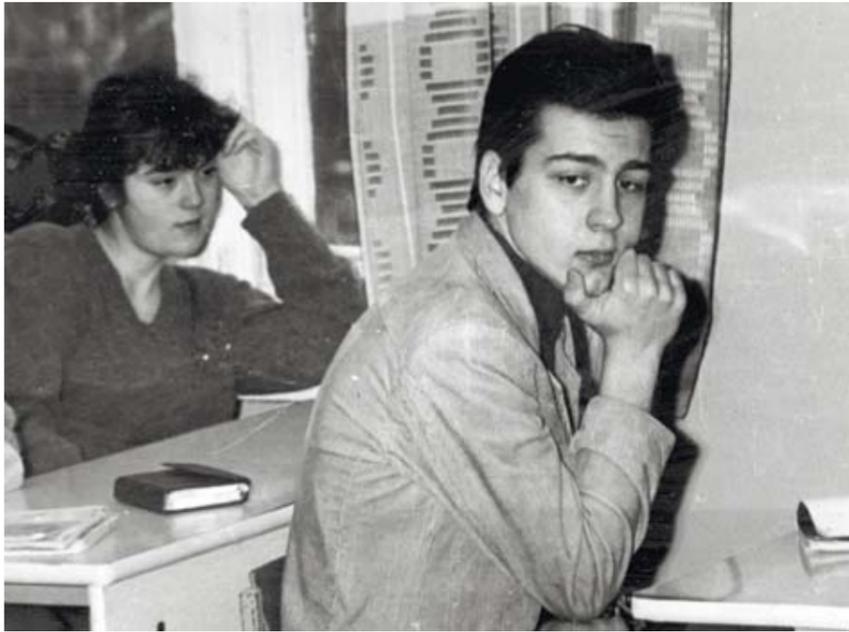
И тут началось. Он строил семиклассников (а потом и вось-

миклассников) перед входом на урок. Парами, черт возьми. И каждый при входе здоровался с ним. А он – в ответ. Тридцать раз. Тех, кто имел несчастье сказать что-то вроде «здрасьте!», он за шиворот вынимал из когорты и оставлял у двери. Начинался курс логопедии и членоразделия:

– Здравствуйте, Степанов!
– Здрась...
– Здравствуйте, Степанов!!
– Здравствуйте, Юрий Брониславович!
– ЗдраВСТВуйте, Степанов!!!
– Здравствуйте, Юрий Брониславович...

– Проходите, Степанов. Теперь, когда мы почти научились разговаривать, можно постепенно переходить к чтению и письму...

На его уроках царила тишина. Гробовая. Вообще, как оказалось, люди издают массу звуков: скрипят суставами, шуршат одеждой, ерзают на стуле. Звук покотившейся ручки или сдавленной капле имели звуковой эффект авианалета. Мы проходили «Евгения Онегина». Он ставил пластинки, мы слушали минут по двадцать пять, потом обсуждали. Кто-то из отличниц обиженно спросил: «А почему мы слушаем пластинки, а не читаем сами, не учим наизусть?» Дерзость была парирована мгновенно: «Видите ли, за годы, про-

веденные в школе, я полностью убедился, что великие строки Александра Сергеевича куда как лучше воспринимаются в исполнении народного артиста Юрско-го, нежели в вашем бляении...»

Кружок из «старичков»

Мы стали еще постарше, класс проредился с переходом в гимназисты. «Старичков» осталось не так уж и много, а Юрий Брониславович перестал у нас преподавать. И вдруг мы ощутили, что он каким-то образом начал как-то приближать нас к своему сияющему грозному величию. Сам шел на сокращение дистанции. Как будто проверял плоды своего воспитания, что ли. Он создал что-то вроде кружка из «старичков».

Для него не составляло труда заявиться на практически любой урок и непреклонным тоном заявить: «Жмуркин! Школа полыхает!» Это означало, что я должен был пройти по этажам и выключить лишний свет. Плевать, наш класс дежурил или нет. Нет, он и сам ходил по каким-то этажам и выключал свет по какому-то своему маршруту. В какой-то очередной, может быть шестой, раз я собрался было снова гасить свет, однако все и так оказалось в порядке. Меня отправили за папиросами. «Беломор», какой-то конкретной фабрики, наверняка им. Урицкого. Минут на двадцать приключение.

– А почему меня решили послать, Юрий Брониславович? Я ведь даже не курю...

– Во-первых, именно поэтому, а иначе это было бы непедagogично; во-вторых, этакой детине точно продадут; в-третьих, от вас-то, Жмуркин, точно не убудет, если вы пропустите хотя бы и всю биологию. Я не могу отлучиться. Тут прогулка на пятнадцать минут, но, если вы вдруг задержитесь, я скажу учителю, что оставил вас для воспитательной беседы. Например, э-э-э, по поводу недопустимости курения. Поторопитесь.

Как-то незаметно на переменах мы стали стараться пройти безо всякой нужды мимо учительской, чтобы перебраться с ним парой фраз. Точнее, схлопотать очередную колкость в свой адрес.

Потому у него появилась какая-то своя личная каморка на пятом этаже. Где тоже как-то вдруг стал собираться кружок после уроков. Сам собой, без явной цели. Выходит, просто болтали. С ним делились всем, некоторые совсем уж сокровенным. В результате он знал про всех всё. Но это не было его целью: естественно, он был далек от интриг или других выгод такого наперсничества. Как старший товарищ, он добавлял романтикам расчета, циникам – поэзии. Эта искренность была тем самым парадоксальным результатом нашего общения.

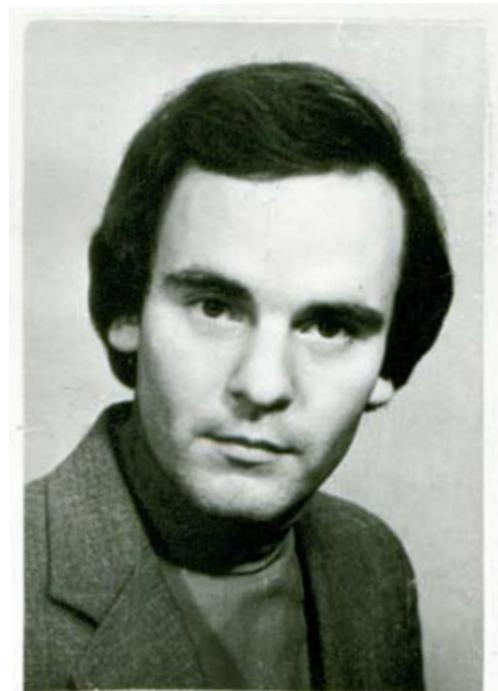
С едва уловимой грустью...

Когда пришло время выпуска, я почувствовал странное. Наши любимые учителя выпускали нас с гордостью, и только он – с едва уловимой грустью. Вида он не подавал, наоборот, колкости удвоились в количестве и утроились в изощренности. Но, пожалуй, понимание этих чужих чувств во многом воспитал именно он.

В отличие от многих, я надолго расстался с красным зданием. Не потому, что не тянуло. Так сложилось. Для некоторых наших учителей наш выпуск стал последним, кто-то ушел в науку или по линии структур образования. Уже через каких-то пять-шесть лет знакомые лица в школе почти затерялись среди новых.

И вдруг лет через пятнадцать после выпуска не в школе – на улице я увидел потрясающую картину. Пирятинский – господи, какой же он щуплый и тщедушный, но, смотри-ка, такой же осанистый, все еще в общем-то совсем не старый человек, – в немислимых ШОРТАХ и веселой маечке вел куда-то мальшню. Пятиклашек, не старше. Некогда металлический баритон выдавал с неслышанными нежными нотками: «Ребята, дорога! Ребята, постройтесь! Алепа, шнурок!» Для меня это было, как если бы в моем детстве вместо тети Лины в «Спокойной ночи, малыши» вдруг появился диктор Игорь Кириллов. Не могу даже подобрать подходящий образ для современной молодежи. Мы стояли совсем рядом, у перехода через Черкизовскую возле нынешнего «Дикси». Он меня не видел, возился с малышкой. Я не стал его окликать: во-первых, опешил от увиденного, во-вторых, он же кудахтал со своими детьми у самой дороги. Загорелся зеленый, и где-то уже на трамвайных путях я услышал знакомый металлический голос: «Да-да, Жмуркин, представьте себе. И так бывает». Я обернулся. И увидел знаменитую слегка кривоватую усмешку – одним уголком рта – и веселый блеск пронизывающих глаз. Видел он меня. Понял, что я думаю. Понял, почему я не поздоровался. Всё понял. Но просто отпустить не счел возможным. «Еще не такое бывает, Жмуркин!»

В его тоненькие ручки вцепилось по четверо малышей. Поэтому, я не видел его никогда таким счастливым.

Пирятинский
уч. литературы

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ:

Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА

за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского;

Екатерину Николаевну КОПЫТ и Марию Владимировну МАЛИНОВСКУЮ за замечательные фотографии, сделанные специально для этого издания;

выпускников и их родителей, сотрудников и друзей гимназии, в разное время поддержавших и до сих пор поддерживающих премию:

Марию Андрееву (Бардукову), выпуск 2000 г.; **Андрея Балинского,** выпуск 1998 г.;

Алексея Баукина, выпуск 1999 г.; **Илью Бера,** выпуск 1998 г.; **Ирину Валерьевну Бурикову;**

Наталью Варакo (Загянскую), выпуск 1992 г.; **Сергея Говорова,** выпуск 1998 г.; **Александра Давыдова,** выпуск 1986 г.;

Екатерину Давыдовичину, выпуск 2002 г.; **Наталью Егорову,** выпуск 1989 г.; **Валентина Жмуркина,** выпуск 1992 г.;

Екатерину Канаеву (Сергиенко), выпуск 1992 г.; **Дмитрия Карцева,** выпуск 2003 г.;

Юлию Коршакову, выпуск 2000 г.; **Дмитрия Кухтина,** выпуск 1994 г.; **Юлию Лукьянову (Иванекину),** выпуск 1998 г.;

Александра Мацука, выпуск 1985 г.; **Алексея Орловского,** выпуск 1994 г.; **Василия Панкратова;**

Александрю Панкратову (Азовцеву), выпуск 2010 г.; **Марину Юрьевну Папанкину;**

Андрея Петухова, выпуск 1999 г.; **Григория Петушкова,** выпуск 1996 г.;

Светлану Пороскову (Калинину), выпуск 1992 г.; **Владимира Рыбина,** выпуск 1998 г.;

Екатерину Ряхину, выпуск 2002 г.; **Ирину Юрьевну Савкину; Анну Ситас,** выпуск 2000 г.;

Максима Слешина, выпуск 1992 г.; **Ирину Владимировну Сотникову; Андрея Столярова,** выпуск 2000 г.;

Наталью Токсанбаеву, выпуск 1994 г.; **Бориса Федякова,** выпуск 1990 г.;

Юлию Чечик (Козыреву), выпуск 2000 г.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ:

Борис Веденский, выпуск 2003 г.;

Матвей Геллер, выпуск 1985 г.;

Светлана Гончарова, выпуск 1985 г.;

Светлана Ищенко, выпуск 1989 г.;

Ольга Колчугина;

Михаил Левит;

Глафира Леонова, выпуск 2010 г.;

Антон Молев, выпуск 1995 г.;

Марина Полетаева, выпуск 1986 г.;

Владимир Рудаков;

Елена Серова, выпуск 1993 г.;

Ольга Смирнова, выпуск 1985 г.;

Алексей Фалько, выпуск 1992 г.;

Григорий Шандалов.

Над номером работали
Редактор: **В.Н. Рудаков**
Верстка: **Н.Е. Пыльнева**
(журнал «Историк»)
Корректурa: **Е.Е. Леонтьева,**
Л.Н. Семенова, О.А. Куликова
(журнал «Историк»)
Рисунки: **Яна Будилович**
Тираж: 150 экз.

Пирятинская премия – это частная инициатива, осуществляемая на личные средства тех, кто поддерживает идею присуждения Премии.
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ имени Ю.Б. ПИРЯТИНСКОГО,
переведя любую сумму в премиальный фонд:
карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339;
телефон: 8 985 774-38-90;
казначей премии – **Гончарова Светлана Витальевна** (выпуск 1985 г.).